

Б И Б Л И О Т Е К А

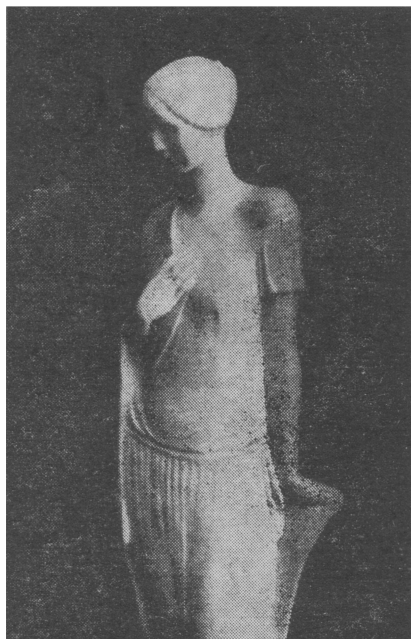
ISSN 0132-2095



ОГОНЁК

№ 14

1987



Вера ЛУКНИЦКАЯ

**ИЗ ДВУХ ТЫСЯЧ
ВСТРЕЧ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 14

Вера ЛУКНИЦКАЯ

ИЗ ДВУХ ТЫСЯЧ ВСТРЕЧ

РАССКАЗ О ЛЕТОПИСЦЕ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Вера ЛУКНИЦКАЯ

Вера Константиновна Лукницкая родилась и выросла в Ленинграде. Автор книг «Исполнение мечты», «Пусть будет Земля», сценариев документальных и художественных фильмов «Истории неумолимый ход», «Наш земляк Лукницкий», «Юности первое утро», автор многочисленных очерков, рассказов, публикаций, посвященных трудовым людям сегодняшнего дня, новым поколениям воинов-пограничников, истории советской литературы.

На обложке воспроизведена скульптура А. Ахматовой работы Н. Данько. 1924 год.

Рассказ о советском писателе Павле Лукницком, его дружбе с Анной Ахматовой, о его благородном, бескорыстном даре летописца, позволившем донести до современного читателя неповторимые, неизвестные штрихи «живого» образа Ахматовой.

...И многие века падут,
И люди новые придут,
И ты придешь в сиянье новым,
И в камне вырастут цветы,
Когда его коснешься ты
Одним незабытым словом.

Она была уже давно Анна Ахматова. И, казалось бы, что мог дать ей неизвестный юнец — студент Петроградского университета с курсовой работой по Гумилеву? К 1924 году, году их встречи, было уже издано пять сборников ее стихов; написано о ее творчестве много работ — Виноградова, Эйхенбаума, Чуковского, Иванова-Разумника, Голлербаха; сделаны ее живописные и скульптурные портреты Петровым-Водкиным, Альтманом, Бушеном, Модильяни, Н. Данько, Анненковым, О. Делла Вос-Кардовской; десятки фотографий. Ей были посвящены стихи Блоком, Цветаевой, Мандельштамом, Лозинским, Кузминым, Сологубом, Рождественским, Городецким...

Он был студентом и начинающим поэтом...

Он, конечно, не мог, работая с Ахматовой над биографией Гумилева, не записывать «живую» Ахматову...

Круг ее друзей был очень узок. И жила она сложно, несвободно. Вначале взялась немного помочь студенту в курсовой работе — исправить неточности, добавить факты... и скоро почувствовала, что сама нуждается в нем, как в человеке и друге.

По многим его записям видно, что Ахматова пребывала в вечном поиске. Как большого русского поэта, ее не могло не интересовать все то, что происходило в ее стране и как это отражалось в людях, в литературе. И студент, пришедший в университет с ленинских строек эпохи гражданской войны, еще сам того не сознавая, нес ей собою заряд ново-

го восприятия действительности, давал ей обильную пищу для размышлений.

Окружавшие Ахматову люди были личности незаурядные, сложившиеся и, увлеченные каждый своим собственным делом, были сами по себе. Они, все вместе взятые, ни восторгами в ее адрес, ни посвящениями ей своих творений не могли удовлетворить ее чуткую натуру.

Иногда шутливо, иногда великодушно, чаще иронично принимала она признания ее достоинств, объяснения ей в любви, бывшие принадлежностью скорее литературы, чем подлинной ее жизни.

В своем глубинном одиночестве, в безысходности от нависшего на нее неизвестного будущего, нуждаясь в поддержке, она искала абсолютной преданности и нашла ее в молодом исследователе Гумилева.

Их дружба — дружба людей разных поколений, разных исторических эпох — стояла обособленно.

Предчувствуя, что в будущем процессе развития советской культуры немало критиков в разное время и по-разному скажут об Ахматовой, появятся и библиографии, и антологии, и «опыт анализа», и лаборатории эволюции ее творчества, Павел Николаевич взял на себя иную задачу — стал записывать речь Ахматовой. Бывая рядом с ней ежедневно, параллельно с работой, которую делал по Гумилеву, стал он вести отдельный дневник специально об Ахматовой, ее окружении и жизненных ситуациях, связанных с нею. Он записывал ее рассуждения и мнения, состояние ее здоровья и настроение, интонации ее и жесты... Записывал в тот момент, когда он ее видел и слушал, сразу же после встречи с нею, тут же, на лестнице за дверью, в подъезде, трамвае, у себя дома, в гостях, в кино, на улице...

Он никогда не ставил оценок ее стихам.

Он был почитателем.

И почитателем ее он был необъективным.

Он абсолютно поклонялся ей: Женщине, Человеку, Поэту.

Еще до знакомства с нею простаивал часами у Мраморного дворца, где она жила в то время. Трудно ему приходилось в трескучие декабрьские морозы и не легче в седые туманные ночи. Фонари расплывались в изморози, постепенно истаивали. И тогда, казалось ему, за окном ее тоже мрачнело... Становилось совсем уж неуютно, и он брел на Михайловскую площадь, пересекал ее и оказывался у входа в бывшую, далекую от него по времени «Бродячую собаку». Он мысленно присутствовал в том разрисованном подвальчике, присутствовал с нею, а вокруг — поэты, художники, артисты... Он знал о «Бродячей собаке» от М. Кузмина, который в свое время предположил сочувственно-покровительственное предисловие к «Вечеру» — первому ахматовскому сборнику. Для него же Ахматова была божественно-недосягаема. Она и оставалась такою всегда... Он был почитателем.

Прежде чем решиться прийти к Ахматовой, он прочитал и собрал о ней все, что только мог.

Чтобы рассказать о том периоде полнее и предоставить читателю возможность увидеть Ахматову глазами Лукницкого, нужно использовать «Акумиану»* целиком, и не только взять из нее все записанные Лукницким встречи, но и объяснить многие ситуации, явления, высказывания, поступки, имена. Словом, делать другую книгу, книгу об Ахматовой, книгу историко-биографическую.

Из дневника.

19.01.1962. Комарово.

Вчера после ужина сел за стол еще немножко поработать, правил «Сказку о Солнце». Стук в дверь. «Прошу!» Встал, открыл...

— Это Вы, Павел Николаевич!

...Из тысячи голосов я этот всегда узнаю — низкий, гортанный...

— Здравствуйте, Анна Андреевна!

Вплывает величаво в комнату, но я сразу за нынешним державным обликом, как будто проявляя негатив, все яснее вижу ее прежний давно знакомый...

В ночь на 20.01.1962.

МГНОВЕНЬЕ ВСТРЕЧИ

Два волоса
в один вплелись,
Белый и влажно-черный.
Два голоса
в один слились,
Родной,
грудной, задорный.
В открытых дверях
она предо мной
Иконой нерукотворной.
Волнением,
как легкою кислотой,
Снимаю с нее
за слоем слой.
В секунду
века — отойдите!

* Так Лукницкий назвал свой архив по Ахматовой. Может быть, от слова «Акума» — «дьяволица», «нечистый» дух, а может быть, вместе с тем, и от слов «Аксмеизм», «Акмэ» — апогей, высшее развитие. (*зреч.*)

И сразу та женщина —
 вся со мной
Тростинкой,
 и страсть моя — беленой.
И я, как
 алхимик, стою немой,
Из всех
 невозможных соитий
Вдруг
 выплавив
 звездный
 литий!

АА* сразу же объяснила мне, зачем пришла, предлог был явно надуманный, и смысл был только в том, чтобы был хоть какой-то предлог...

И если налет «самовозвышаемости», без которого она жить не может, потому что он десятилетиями воспитан в ней и ею самою и всеми ее окружающими, если этот налет не замечать, то предо мною — человек умный, духовный, утонченно-культурный, не потерявший с возрастом ни остроты видения, ни огромного таланта. С нею мне всегда интересно и только минутами, когда «автобиблиография» заменяет все, скучновато...

Сегодня ночью — неожиданно для меня — вырвалось стихотворение, которое я записал, — стихотворение, возникшее из вчерашней встречи. Я пришел к АА с ним... Еще не успел ничего сказать... АА усадила меня в кресло... Папку, на которой написаны слова «Чужие стихи», раскрыла, перебрала страницы, я сразу понял, что это стихи разных людей, посвященные ей... В папке, наверное, было сто или полтораста листов, исписанных разными почерками. АА стала мне объяснять, что и от меня ей хотелось бы получить какое-нибудь стихотворение, которое легло бы где-нибудь вот тут, посередине. С такой просьбой она уже обращалась ко мне однажды в Москве несколько лет назад, и я ее просьбу тогда не выполнил, хотя и пообещал. Сегодня же я, не дав ей договорить, протянул листок... Она внимательно прочитала и сказала: «Хоть и мгновенье», а стихи хорошие!»

«Какая странная слабость... собирать все посвященные ей стихи! В этом есть что-то от очень уязвленного самолюбия, чудовищно гипертрофированного самовозвеличивания.

И это теперь, когда она победила время, признана, оценена, знаменита, неуязвима».

* Так Лукницкий помечал в своих записях имя Ахматовой.

А как много стихов до сих пор лежит «на дне» «Акумианы», посвященных ей и подаренных страстному собирателю ее реликвий! А его собственная переплетенная тетрадка посвященных ей стихов! А сколько книжек с дарственными надписями в «ахматовской» библиотечке Лукницкого!..

По сути дела, он столкнулся с этой культурой случайно. Но, как известно, в случайностях проявляется закономерность.

Он сочинял стихи, может быть, неплохие и достаточно профессиональные.

...Я веселую службу, как песню, несу,
Ту, в которой смоленая ругань,
И я счастлив, что здесь я не койку да суп
Заработал, а брата и друга...

Выпустил две книжки. Думал — будет поэтом...

А для курсовой были собраны все сборники Гумилева, многие его публикации, переписаны и выучены стихи из частных альбомов и писем, добыты автографы. Позже составлено генеалогическое древо, и курсовая работа с течением времени переросла в два объемистых тома «Труды и дней Н. С. Гумилева».

Не «злую шутку», а целых два сыграл с биографом «тот самый случай». Молодой поэт Павел Лукницкий попал под такое гумилевское влияние, что стал в нем тонуть... Это заключение о себе как о стихотворце он сделал, как всегда, в остроумной, иронической форме. Впрочем, второе заключение о себе, как о биографе Гумилева, он тоже сделал весьма определенное, цитируя поэта: «...Мой биограф будет очень счастлив, Будет удивляться два часа, Как ишак, перед которым в ясли Свежего насыпали овса...». Грустно подшучивал над собой, «удивляясь» не «два часа», а целых пятьдесят лет... Умирая, записал: «Вот и конец моим неосуществленным мечтам!.. Гумилев, который нужен русской советской культуре... Ахматова, о которой только я могу написать, все как есть, правду благородной женщины-патриотки и прекрасного поэта... Роман о русской интеллигенции, ставшей советской. Все, как есть! Правду! Только правду!»...

ОКОЛО АХМАТОВОЙ

Твоею жизнью ныне причащен,
Сладчайший, смертный отгоняя сон,
Горя, тоскуя, пьяно, как в бреду,
Я летопись твоих часов введу...

Когда молодой человек пришел к Ахматовой для консультации, она жила в квартире своего второго мужа — Владимира Казимировича Шилейко, одного из крупнейших ученых в области востоковедения, работавшего в Академии материальной культуры, которая размещалась в служебном флигеле Мраморного дворца. Квартира из двух комнат находилась на втором этаже флигеля. И адрес Ахматовой звучал торжественно и парадно: «Мраморный дворец, квартира № 12».

Из дневника.
8.12.1924.

С утра до 6 часов работал во «Всемирной литературе». В 6 часов пришел домой, поработал еще 2 часа. Устал, разболелась голова. Решил пойти за материалами. Позвонил Мандельштаму — не оказалось дома, Чуковскому — тоже. Тогда собрал часть того, что у меня есть, и пошел к Шилейко, рассчитывая там познакомиться, наконец, с АА. Стучал долго и упорно — кроме свирепого собачьего лая, ничего и никого. Ключ в двери, значит, дома кто-то есть. Подождал минут 15, собака успокоилась. Постучал еще, собака залаяла, услышал шаги. Открылась дверь, и я оказался нос к носу с громадным сенбернаром. Две тонкие руки из темноты оттащивали собаку... Глубокий взволнованный голос: «Тап! Спокойно! Тап! Тап!». Собака не унималась. Тогда я шагнул в темноту и сунул в огромную пасть сжатую в крепкий кулак руку. Тап, рыкнув, отступил, но в то же мгновение я не столько увидел, сколько ощутил, как те самые тонкие руки медленно соскальзывали с лохматой псиной шеи куда-то совсем вниз, и я, едва успев бросить свой портфель, схватил падающее, обессиленное легкое тело. Нащупывая в полутьме ногами свободные от завалов места, я, осторожно перешагивая, донес АА в ее комнату и положил на кровать. Пес шел зади...

Ахматова, несмотря на болезнь, гостя приняла душевно, а, увидев материалы, какие он принес, и огромное желание молодого человека работать, предложила посещать ее и обещала помогать.

В работе симпатия друг к другу проявлялась все больше и больше, вскоре она переросла в искреннюю дружбу и полнейшее взаимодоверие.

Лукницкий стал бывать в Мраморном дворце почти каждый день. Это видно не только из его дневников, но из писем, которые Ахматова чаще всего поручала писать ему «за себя», разрешая делать копии. А получая письма, она вообще многие отдавала Павлу Николаевичу, некоторые даже не читая.

Из дневника.
30.03.1926.

Дала мне полученное письмо от некоей неизвестной ей Кареевой, в котором та просит АА разрешить ей перевод «Четок» на итальянский язык; АА просит меня ответить на это письмо за нее.

2.07.1926.

Под вечер АА взяла полученное раньше письмо от Гизетти*, хотела взглянуть на адрес, чтобы через меня вызвать его. Адреса на 1-й странице не нашла. Стала читать следующую и вдруг воскликнула: «Смотрите, что он пишет!». А он пишет, что радуется самому факту ее существования. Стала острить. И поняв, что я заметил, что письма она не читала до конца, сказала мне с живостью: «Павлик, вы никому не говорите, что я не дочитываю писем, — это очень нехорошо». Нетрудно, однако, представить, что такие письма скучны АА до предела, — читает из них она лишь самое существенное, остальное просматривает беглым взглядом.

Сохранились письма Ахматовой к сыну, который жил тогда у бабушки в Бежецке, и сына к ней. С большим удовольствием Лёва** переписывался с Лукницким. Мальчик присылал ему «на суд» свои сочинения — драматические и поэтические, просил советов, делился впечатлениями о прочитанных книгах, которые посылал ему Павел Николаевич, и никогда не забывал справиться о здоровье любимой мамы и передать ей нежный привет.

Кроме того, люди, близкие Ахматовой, сами по себе, хотя и в связи с нею, по мере надобности тоже переписывались с Павлом Николаевичем. Вначале они вынуждены были принять «существование» его рядом с нею (она так хотела), позже привыкли к нему и постоянно пользовались его помощью.

Из дневника.
24.03.1925.

Сверчкова*** очень огорчила АА, рассказав, что недавно, когда Лёву спросили, что он делает, Лёва ответил: «Вычисляю, на сколько процентов вспоминает меня мама»... Это значит, что у Лёвы существует прев-

* Гизетти А. А. — литературный критик, публицист.

** Лев Николаевич Гумилёв (род. в 1912 г.) — сын Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой, доктор исторических наук.

*** Александра Степановна Сверчкова — сводная сестра Н. С. Гумилева.

ратное мнение (как у посторонних АА литературных людей) об отношении к нему АА. А между тем АА совершенно в этом не повинна. Когда Лёва родился, бабушка и тетка забирали его к себе на том основании, что «ты, Анечка, молодая, красивая, куда тебе ребенка?». АА силилась протестовать, но это было бесполезным, потому что Николай Степанович был на стороне бабушки и Сверчковой. Потом взяли к себе, в Бежецк, отобрали ребенка. АА сделала все, что бы этого не случилось...

АА: «А теперь получается так, что он спрашивает, думаю ли я о нем... Они не пускают его сюда — сколько я ни просила, звала!.. Всегда предлог находится... Конечно, они столько ему сделали, что теперь настаивать на этом я не могу...»

Ахматова часто справлялась о сыне у Павла Николаевича, так как Лёва, приезжая с бабушкой или теткой в Ленинград из Бежецка, останавливался обычно у родственников матери Гумилева — Кузьминых-Караваевых. Павел Николаевич навещал его там, уделял много времени не по годам эрудированному, талантливому мальчику и с удовольствием наблюдал за его развитием. Лёва любил Пушкина, «Шатер» и «Жемчуга» Гумилева. Стихов АА в то время не читал. Читал только «Колыбельную».

Из дневника.
20.06.1926.

У Кузьминых-Караваевых говорила об А. Н. Э.,* а я с Лёвой — отдельно. Лёва рассказывал мне планы своих рассказов: «Телемах» (Атлантида и пр.), о «Путешествии в страну Цифр» и др. Лёва говорит о журнале, который хочет издавать. Не может придумать названия. Хочет «Одиссея приключений» (АА: «не по-русски это»), просит меня придумать. Подвернулось «Звериная тропа». Ему понравилось. ...Лёва настолько в мире фантазии, что предмет, увиденный наутро (тот, о котором он мечтал), уже неинтересен ему... Полное сходство Лёвы с Николаем Степановичем — в характере, во всем...

Лёва в Бежецке стал читать «Гондлу». Сверчкова увидела, отняла и заперла «Гондлу» в шкаф. По-видимому, считает, что это Лёве не следует читать, потому что там — о любви. АА советует мне дать Лёве прочесть «Гондлу» — Лёве полезны будут взгляды Николая Степановича на войну, на кровопролитие, которые он высказывает в «Гондле» (антивоенные взгляды).

* Вторая жена Гумилева — Анна Николаевна Энгельгардт.

24.03.1927.

«Неужели он тоже будет писать стихи?!.. Какое несчастье!» И неожиданно быстро и, будто серьезно, добавляет: «У него плохая фантазия!..»

24.03.1928.

П. Е. Щёголев* предложил АА собрать, комментировать и отредактировать воспоминания современников о Лермонтове. За эту работу АА могла бы получить 400 рублей. Работу надо было произвести в течение нескольких месяцев — к сроку. АА, прочитав основные материалы, убедилась, что в такой срок работу выполнить она не сможет (если, конечно, не будет халтурить), ибо недостаточно знакома с эпохой (40-е годы). Поэтому от работы отказалась.

Л. Н. Замятина** была на днях у АА и, несмотря на полученные ею от АА разъяснения о причинах отказа от работы, намекнув на бедственное положение АА, сказала, что «ведь это же все-таки 400 рублей».

Если вспомнить, что она только что собрала какую-то денежную сумму и послала ее в Бежецк, то слова ее можно понять и еще хуже — (пользуется для содержания Лёвы благотворительностью, а когда предлагают работу, отказывается). Увы, ей не понять, что АА ни в какой крайности не пойдет на халтуру, это во-первых. А во-вторых, что благотворительность оказывается не только Лёве, а и Анне Ивановне*** (которую формально АА и не должна содержать). Лёве же, сколько может, АА посылает ежемесячно.

28.03.1928.

...Вчера днем получил телефонограмму от АА: «Приехал Лёва, Ахматова просит приехать»...

...А. И. Гумилева с Лёвой приехали, оказывается, еще в субботу, в тот день, когда АА была у меня в Токсово. АА узнала об их приезде только в воскресенье и очень досадовала.

...Весь день провел с Лёвой.

* Павел Елисеевич Щёголев (1877—1931 гг.) — литературовед и историк.

** Жена писателя Евгения Ивановича Замятина (1884—1937 гг.), подруга Ахматовой.

*** Мать Н. С. Гумилева.

...Он с безграничным доверием относится ко мне...

...Вечером хотел пойти с ним в театр, но всюду идет дрянь; пошли в кинематограф, Левка остался доволен.

Проводив его домой, зашел к АА. Часа полтора говорил с нею о Ле-ве; она очень тревожится за его судьбу, болеет душой за него...

29.03.1928.

Опять весь день с Лёвой. В Эрмитаже осматривали залы рыцарей и оружия, Египет, древности. Показывал камеи и геммы.

...Привел его к себе обедать. Перед обедом заговорил с ним о его стихах. Лёвка пыжился, пыжился, да, наконец, прямо и выложил мне, что тетя Шура вмешивается в его творчество. В заключение указал мне построчно, во всех своих стихах, которые у меня имеются, те места, которые написаны тетей, а не им.

По записям Павла Николаевича, по его рассказам, наброскам и чер-тежам можно представить себе квартиру, в которой жила Ахматова. Входная дверь вводила в первую комнату, разгороженную поперечной фанерной перегородкой, не доходившей до потолка, на две части. Спра-ва от двери — крохотная кухня, наполовину занятая плитой. Слева — та-кого же размера чулан, в котором прямо на полу, между дровами, гро-моздились книги, бумаги. Дальнюю часть комнаты разделяла другая, уже продольная перегородка; она делила ее слева на спальню хозяина и справа — на столовую... Кроме железной кровати и бездействующего умывального шкафа, в спальне ничего не было. В столовой посередине стоял стол, над которым висела электрическая лампочка без абажура, два стула; у наружной стены с окном на площадь перед Троицким, ныне Кировским мостом, с памятником Суворову, — ветхий, с торчащими пру-жинами диван; напротив — высокая этажерка и узкий остекленный шкафчик для чайной посуды.

Полы чулана, кухни и столовой всегда были завалены вперемежку с дровами и хламом, сотнями изучаемых Шилейко ценнейших ману-скриптов, старинных книг по классической древности, обычно раскры-тых на нужной странице. Навалены они были так, что не всегда удава-лось найти свободное место, чтобы поставить ногу. Только узенькая дорожка между фолиантами пролегла из столовой к двери в соседнюю комнату, комнату Ахматовой — длинную, полутемную, с единственным, обычно задернутым серо-палевыми тяжелыми шторами окном на Мар-

сово Поле. Здесь, слева от входа, стояла двуспальная, старинная кровать, сильно укороченная: чтобы на ней вытянуться, нужно было лечь наискосок.

Из дневника.
23.03.1925.

В квартире Судейкиной* была ниша, кровать в нее не входила, Судейкина без размышлений обрезала ее, и кровать влезла. Но муж обиделся, купил другую кровать и... переехал в другую комнату.

И тут сразу же остроты. Я: «Ну, что же дальше было?» АА: «Ничего... их семейная жизнь тем и кончилась...» Я: «Ну, а теперь-то — уж сколько времени прошло — спокойна Ольга Афанасьевна?» АА: «Какое! И сейчас трагедия!»

Эмигрируя, Судейкина оставила подруге кровать «в наследство».

В головах за кроватью — гардеробный шкаф, дальше «бюро» красного дерева с рукописями, памятными вещицами и корреспонденцией, из которой она сохраняла очень немного, часто производя «ревизию» своего мизерного в то время «архива» и всегда аннулируя что-нибудь из него. Посередине этой торцовой стены примыкал одним краем к окну письменный стол, окруженный тремя, столь же классической ветхости, как и вся остальная мебель, мягкими стульями. У третьей стены — высокий комод с наставленным на него фарфором, затем, между двумя креслами, маленький туалетный столик с венецианским зеркалом, доставшимся Ахматовой от ее прабабки. Ближний угол стены занимала круглая, обшитая железом печь, и Ахматова, слушая потрескивание дров и кутаясь в плед, любила сживать, положив ноги на миниатюрную скамеечку, в одном из кресел у туалетного столика под рассеянным светом лампы.

В этой мрачной, большой и затхло сырой комнате всегда, даже летом, было зябко. Сложенный наполовину ломберный столик между печью и дверью завершал сборную меблировку.

Ахматова редко пользовалась шилейковской столовой, и этот ломберный столик служил ей всегда, когда с друзьями или одна она пила чай, переняв привычку у Шилейко, — крепкого настоя и чаще всего остывший. Иногда на столике появлялись бутылка сухого вина, сыр и два-три хрустальных бокала на тонких ножках.

Настольная лампа с длинным шнуром по необходимости перемещалась от письменного стола — к туалетному, к ночному. Свет во всем до-

* Ольга Афанасьевна Судейкина (1885—1945 гг.) — актриса, подруга Ахматовой.

ме включался только тогда, когда становилось темно. В Ленинграде были еще нелегкие времена, электроэнергия экономилась.

Таким образом, адрес «Мраморный дворец»*, звучавший торжественно и пышно, был весьма условным... В квартире не было ни санузла, ни водопровода; умывальник в комнате Шилейко был лишь декоративным украшением. За водой нужно было ходить с ведром в даль межквартирного коридора.

Ахматова в то время жила не только сложно, но трудно и скудно. Часто подолгу лежала в постели, врачи находили неполадки с легкими, опасались вспышки туберкулеза. Стихи писала редко и, можно сказать, совсем не печатала.

В конце марта 1925 года на вопрос Павла Николаевича: «Не писали месяцев шесть, наверное?» — ответила: «Нет, месяца три-четыре». В декабре 1924-го в его дневнике записано: «За полугодие с 1 апреля по 1 октября 1924 года АА напечатала только два стихотворения в «Русском современнике» № 1. Больше нигде ничего не зарабатывала, жила на иждивении Шилейко».

Из дневника.
3.03.1925.

О браке с Шилейко: «К нему я сама пошла... Чувствовала себя такой черной, думала, очищение будет...»

Пошла, как идут в монастырь, зная, что потеряет свободу, волю, что будет очень тяжело.

Позже схлопотали ей «обеспечение ЦКУБУ» (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) — 60 рублей в месяц. Нарком просвещения А. В. Луначарский вмешался, помог. Получала в течение нескольких лет, половину стала отсылать в Бежецк, сыну, остальные шли ей на питание и мелкие расходы.

Павел Николаевич уехал в Москву, чтобы встретиться с людьми, лично знавшими Гумилева, и получить от них сведения, воспоминания, письма.

В Москве он воспользовался искренним гостеприимством и расположением к нему И. М. Брюсовой и скопировал хранившиеся у нее тогда письма Гумилева к своему учителю и стихи, которые поэт посылал Брюсову.

* Сокращенно в дневнике часто пометается, как Мр. Дв.

Ахматова — Брюсовой.
3.05.1925.

«Многоуважаемая Иоанна Матвеевна, из письма Г. А. Шенгели* к М. Шкапской** я узнала, что Вы разрешили биографу Н. Гумилева Лукницкому снять копии с писем Николая Степановича к В. Я. Брюсову. Так как я сама принимаю участие в этой работе и очень хорошо знаю, как эти документы важны для биографа Гумилева, позвольте мне поблагодарить Вас за Ваше доброе отношение.

Уважающая Вас А. Ахматова».

Сологуб — Ахматовой.
16.09.1926.

«Милая Анна Андреевна,
Вчера я заходил к Вам, не застал дома. Я хотел узнать, что в точности происходит в деле с Вашим академическим обеспечением и с персональной пенсией.

М. б., будете милы навесить меня,— Вы бесконечно давно у меня не были. Я дома всегда вечером, кроме ближайших субботы и понедельника, и днем всегда до 2 часов.

С приветом. Федор Сологуб».

Из письма Луначарскому, (без даты).

«...Мы, нижеподписавшиеся работники культуры, искусства и науки, обращаемся к Вам, Анатолий Васильевич, как к руководителю всей художественно-культурной деятельности Республики с просьбой оказать свое содействие по изменению решения Экспертной Комиссии ЦКУБУ.

Говорить Вам о литературно-художественных заслугах А. А. Ахматовой мы считаем излишним. Вы сами, Анатолий Васильевич, достаточно хорошо знаете эволюцию русской литературы, чтобы судить о поэтическом даровании и влиянии А. А. Ахматовой...

... Наше ходатайство перед Вами, Анатолий Васильевич, имеет тем больше оснований, что, насколько нам известно, в экспертной комиссии, отклонившей утверждение А. А. Ахматовой, почти не было экспертов — специалистов по литературе

Федор Сологуб».

* Георгий Аркадьевич Шенгели (1891—1956 гг.) — поэт, переводчик.

** Мария Михайловна Шкапская (1891—1952 гг.) — поэтесса.

Ахматова — Лукницкому.
20.04.1925.

«Милый Павел Николаевич!

Сегодня я получила письмо от Бежецка. Анна Ивановна пишет, что собрала целую пачку писем Николая Степановича. Шура* просит меня узнать адрес Л. Микулич**. Вы, кажется, этот адрес записали. Пожалуйста, сообщите его Шуре. Сегодня я не встану, температура очень низкая — оттого слабость. До свидания. Ахматова».

Лукницкий — Ахматовой.
19.08.1925.

«Дорогая и глубокоуважаемая
Анна Андреевна!

Я ничего не знаю о состоянии Вашего здоровья, и меня это очень тревожит... Не знаю, вернулись ли Вы из Бежецка и застанет ли Вас в Петербурге это письмо. Я прочел «Так говорил Заратустра». Сейчас читаю «По ту сторону добра и зла». Все Ваши предположения подтверждаются. Конечно, и «высоты», и «бездны», и «глубины», и многое множество других слов навеяны Ницше. То же можно сказать относительно описаний местности, образов, сравнений, встречающихся во многих стихотворениях «Пути конквистадоров». Стихотворения «Людам Настоящего», «Людам Будущего» написаны целиком под влиянием Ницше.

Я затрудняюсь в коротком письме подробно показать Вам все, что мне кажется примечательным,— обо всем этом мне хотелось бы побеседовать с Вами в Петербурге. Я получил письмо от Мочаловой***, посылаю его Вам — обратите внимание на строчку: «Лариса Рейснер мне не ответила».

Я пробуду здесь, вероятно, до 8 сентября и на обратном пути рассчитываю пробыть дня 3 в Москве.

У меня есть большая просьба: напишите мне, если это не затруднит Вас, обо всем, что появилось на горизонте нашей работы за этот месяц. Может быть, у Вас есть какие-нибудь пожелания для Москвы?..

Всегда преданный Вам — П. Лукницкий».

* А. С. Сверчкова.

** Лидия Ивановна Микулич (Веселитская) (1857—1936 гг.) — писательница.

*** Ольга Алексеевна Мочалова (1898—1981 гг.) — поэтесса, приятельница Н. С. Гумилева.

14.05.1925.

«Дорогая Анна Андреевна!

Вы доставили мне большую радость извещением о состоянии Вашего здоровья.

Сегодня выезжаю из Москвы в Бежецк.

Мне следовало бы остаться в Москве еще на несколько дней, но я получил письмо от Александры Степановны, которым она приглашает меня приехать в Бежецк на пятницу, субботу и воскресенье, и, если бы я отдал эти дни Москве, мне пришлось бы остаться здесь еще на неделю, до следующей пятницы.

Мне удалось повидать всех, кого я имел в виду. Исключение — Лариса Рейснер, но ее сейчас нет в Москве. Получил воспоминания от В. К. Шилейко, от М. М. Тумповской*, от О. А. Мочаловой и от Могиной. С Нарбутом**, Зенкевичем*** и Павловым виделся и получил от всех обещание прислать воспоминания.

В том, что Зенкевич и Павлов обещание сдержат, я не сомневаюсь. Оба помнят и любят Николая Степановича, Нарбут очень занят службой (он председатель издательства «Земля и фабрика») и тяжел на подъем. Брюсова завоевана до конца. Чулков дал мне ненапечатанную статью о «Колчане», Горнунг**** — все, что я захотел у него взять.

У Тумповской, оказывается, есть только одно письмо Николая Степановича, остальные пропали. Это грустно, но это действительно так.

Вчера было заседание Экспертной комиссии ЦКУБУ, но Ваше дело еще не рассматривалось и будет рассмотрено только в следующую среду.

Думаю о Вашем выздоровлении и целую Вашу руку.

Преданный Вам П. Лукницкий».

Ангел мой, Анна, как страшно, подумай,
В черном удуше одна ты, одна,
Нет такой думы, угрюмой, угрюмой,
Которую не выпила б ты до дна...

Из дневника.

10.05.1926.

Сегодня в Филармонии на вечере Всероссийского Союза писателей публики было несметное — давно не бывалое — количество... Публика

* Маргарита Марьяновна Тумповская (1891—1942 г.) — поэтесса, переводчица.

** Владимир Иванович Нарбут (1888—1944 г.) — поэт, акмеист.

*** Михаил Александрович Зенкевич (1891—1973 г.) — поэт-акмеист, переводчик.

**** Лев Владимирович Горнунг (род. в 1902 г.) — поэт и литературовед.

кричала: «Дашь Ахматову!» Так настаивала на ее выступлении, что... Замятаина стала звонить АА по телефону. АА пришлось подойти и наотрез отказаться... Это было тем более неприятно, что упрашивала ее именно Замятаина, к которой АА так дружески относится.

Спросил АА, почему она так не любит выступать? АА объяснила, что она никогда не любила выступать, а в последние годы это ее отношение к эстрадным выступлениям усилилось. Потому что не любит чувствовать себя объектом наблюдения в бинокли, обсуждения деталей ее внешности, потому что «...разве стихи слушает публика? Стихи с эстрады читать нельзя. Читаемое стихотворение доходит только до первых рядов. Следующие его уже не слышат, и публике остается только наблюдать пантомиму». Помолчав, АА заговорила и о второй причине — отсутствия у нее платья: «Ведь теперь уже не 18-й год...» АА не говорила, но по чуть заметным намекам я понял, что АА находит третью причину: публика, по ее мнению, нынче очень груба...

25.02.1925.

Выступала с чтением стихов на литературном вечере, организованном Союзом поэтов совместно с КУБУЧем в Академической капелле. Приехала после начала. Сразу же вышла на эстраду.

Прочитав три стихотворения, ушла с эстрады, но аплодисменты заставили ее выйти опять. Из зала громкий женский голос: «Смуглый отрок!» АА взглянула вверх и, стянув накинутый на плечи платок руками на груди, молча и категорически качнула отрицательно головой. Стало тихо. АА прочла отрывок: «И ты мне все простишь...» Затем ушла в артистическую и сейчас же уехала, провожаемая К. Фединым, несмотря на все просьбы участников побыть с ними.

27.02.1925.

По поводу вечера в капелле: «А мы с Фединым решили, что стихи не надо читать. Доходят до публики только те стихи, которые она уже знает. А от новых стихов ничего не остается». Я: «Вы волнуетесь, когда читаете стихи на эстраде?» АА: «Как вам сказать. Мне очень неприятно до того, как вышла на эстраду. А когда я уже начала читать, мне совершенно безразлично». Я: «У Вас бывает, что Вы забываете стихи на эстраде?» АА: «Всегда бывает — я всегда забываю...»

Просила сказать, как она держалась на эстраде. Ответил, что «с полным достоинством», «немного гордо» — «Я не умею кланяться публике. За что кланяться? За то, что публика выслушала? За то, что аплодировала?..»

2.03.1925.

Сегодня утром к АА приходил Шмерельсон *, принес ей гонорар 15 рублей — за выступление в капелле. Сказал, что Союз предполагает устроить второй вечер, в котором выступили бы те, кто не участвовал в первом, но с непременною участием АА.

АА, воспользовавшись тем, что Шмерельсон застал ее в постели — очень кстати вышло, — сказала больно и наотрез от выступления отказалась.

Ахматова жила до предела замкнуто. Изредка, по каким-то запомненным дням, наносила официальные визиты тем, кого считала необходимым почтить своим присутствием. Рассказы о таких ее визитах Павел Николаевич, конечно, тоже записывал, впрочем, часто пропуская кавычки в прямой ахматовской речи, или записывал ее речь от третьего лица для удобства и быстроты.

Из дневника.

3.03.1925.

Вечером была у Сологуба. Было очень скучно («Скучнее, чем на эстраде») — было много чужих. АА не выдержала и сбежала вместе с Замятиными. Они ее повели в Союз драматических писателей, где было еще скучней от Вс. Рождественского, от Баршева **, от Изабеллы Гриневской ***, от всех ужасных, специфических дам...

11.06.1927.

Вчера у Ал. Толстого была вечеринка, нечто вроде чествования артистов МХАТа. Съезд был к 12 часам ночи. Были артисты: Москвин, Качалов, Книппер и еще 2—3 других. Были Замятины, Н. Никитин, К. Федин, В. П. Белкин...

...За АА в 11 часов заехал К. Федин, и она с ним поехала. Был обильный ужин. Было много вина (пьян, однако, никто не был). Сидели до утра. Замятин произнес нечто вроде речи, в которой сказал: «Из всех писателей, здесь присутствующих, ни один, за исключением только Федина, не удержался от того, чтобы не написать пьесу... Даже Коля Никитин, и тот сострепал какую-то». И — ни тени сомнения! Конечно, если б кто-нибудь спросил его: «А ведь вот, здесь присутствует Ахматова, которая, кажется, как и Федин, не написала пьесы» — Замятин спохватился

* Сотрудник Ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов.

** Николай Валерьянович Баршев (1888—1938) — писатель.

*** Изабелла Аркадьевна Гриневская (1854—1944) — поэтесса, писательница.

бы и стал извиняться: «Ах да, да, да... Как же это я на самом деле... ну, конечно же... Анна Андреевна, простите меня ради бога».

...На вечере были и другие неловкости.

В начале ужина все — Федин, Качалов и кто-то еще — расхваливали АА артистам в тоне: «Вы не знаете, какая она у нас чудная!». Федин сказал, обращаясь к артистам: «Вы знаете Анну Андреевну только по стихам. Но этого мало. Стихи — еще далеко не все. А какие у нее познания в архитектуре, а какое...»

АА чувствовала себя неловко и, чтобы прекратить эти излияния, довольно саркастически сказала: «Аттестат с последнего места!»

Очень боялась, что ее будут упрашивать читать стихи. Так и случилось, но АА удалось отказаться.

Качалов читал много стихов, и среди них — несколько Гумилевских. Вышли вместе с Фединым сегодня в 9 утра. Он проводил АА и пил в ШД* чай. Ахматова не появлялась ни в каких редакциях, кроме как изредка в издательстве у Гессена, заключившего с нею в июне 1924 года договор на издание двухтомного собрания ее стихотворений с пометками, примечаниями и пояснениями самой Ахматовой. Но издание не было осуществлено. Эти материалы были в свое время отданы В. М. Жирмунскому для его работы по изданию тома Большой Серии «Библиотеки Поэта» с условием сослаться на Лукницкого, от которого он их получил.

Из ответа Лукницкого — Жирмунскому.
24.09.1966.

... Конечно, я сделаю все от меня зависящее, чтобы быть Вам полезным в Вашем благородном деле. У меня есть много (несколько сот страниц) записей, особенно периоды 1924—1928 гг., есть в них очень много биографических данных за весь период жизни АА — от ее рождения, детства, до периода моей дружбы с нею, когда я виделся с нею почти каждый день. К сожалению, записи эти сделаны еще очень неопытной рукой, в них много такого, что потребовало бы сейчас от меня большой работы. Есть в архиве и материалы, прямо относящиеся к текстам ее стихотворений (корректуры, разночтения, комментарии). Есть — немало — стихотворений (автографов)...

Я, если хватит сил и времени, хочу обработать мой материал, сделать из него самостоятельную книгу, но это возможно не в ближайшие 1—2 года. Сейчас я «заряжен» на полгода напряженной работой: готовлю к печати 3-й завершающий, том блокадного ленинградского дневника («Ленинград действует»), в нем около 40 печ. листов, а все издание

* ШД — Шереметьевский дом.

(1—3 тома) — больше 100 листов. В набор 3-й том сдаю в декабре, затем до весны должен закончить еще одну небольшую книгу.

Вплотную заняться интересующей нас с Вами работой могу лишь после марта — апреля. Однако все, что Вам может потребоваться для издаваемого под Вашим руководством собрания, извлеку для Вас вовремя.

Из дневника
26.11.1966.

В. М. Жирмунский от 7 до 9 вечера был у меня... Высказывал мне все, что его интересует в работе по его подготовке собрания стихотворений А. Ахматовой (тексты стихотворений, расположение их по сборникам, все неопубликованные стихи, разночтения) и что хотел бы получить от меня...

... Я показал Жирмунскому свой архив и дал на два дня, по его просьбе:

1. Переплетенный том корректуры 2 тома собрания стихотворений АА 1926 г., не вышедшего, где и часть 1 тома.
2. Еще одну корректуру 2 тома.
3. Содержание 1 и 2 томов на отдельных листках.

Павел Николаевич бывал часто спутником Ахматовой в ее прогулках. С ним она выходила легко и всегда с удовольствием.

...Где блуждаем день ото дня,—
Я — для тебя, ты — для меня...
Ты трогаешь нежной рукой
Гранит над седою Невой...

Они гуляли по излюбленным уголкам «ее» Петербурга, ходили отвлекаться «от всего на свете» в кино. Особенную радость доставляли ей совместные поездки в Пушкин, «ее Царское Село».

Из дневника
26.06.1926.

АА позвонила. Зашел в ШД — в саду встретила... Предложил поехать на острова. Зашла в Mr. Дв., чтобы надеть жакет. Была в черном шелковом платке, без шляпы... Пошли на поплавок. Пароход был уже полон, решили подождать следующего, на поплавке пили чай с пирожными. Сели у носа. Красный, алый закат. Расплавленное солнце в узкой прорези туч. Вода всех оттенков. По дороге показывала сначала

дом — Фонтанка 2, 1-й этаж, 5-е, 6-е окна на набережной Невы, от угла Фонтанки. Там жила... В большой комнате — Судейкина, в маленькой — АА. В окно постоянно любовалась закатом.

Ахматова часто с грустью и любовью рассказывала Павлу Николаевичу о Судейкиной, говорила, что та была необычайно остра в разговоре и этой остротой речи умела скрывать недостатки культурности. Жалела ее, добывавшую в Париже средства к существованию шитьем и вязанием... В то время Ахматова получала письма от Судейкиной. Та писала, что в Париже гнусно и отвратительно, что она с радостью вернулась бы, если б ей дали разрешение. Она бы изучила какое-нибудь ремесло, чтобы иметь возможность жить им.

Продолжение записи от
26.06.1926.

Встречный ветер. АА подняла воротник жакета. Дальше Сампсониевский мост. Знакомые АА места: здесь близко жили ее друзья Срезневские. АА два года у них жила, постоянно ходила по Сампсониевскому мосту. До моста — «чудный старый-старый сарай». Судейкина острела: «У того-то то, у того-то то, а у Анки — сарай». Дальше — на левом берегу — казармы, похожие на Павловские. «Здесь жил Блок».

Рассказывала о вечере Блока в Малом театре: «Это как богослужение было: тысячи собрались для того, чтобы целый вечер слушать одного».

АА с Л. Д. Блок с трудом, большим трудом устроились в администраторской ложе, не было ни одного свободного приставного стула. «Овации были — совершенно иступленные овации... Когда так бывало?»

10.10.1927.

Ясный солнечный день. Холодный ветер с Невы. Утром позвонила мне, в 12 зашел в ЩД и вместе пошли гулять по Фонтанке, по Инженерной, бродили по желтому саду, по сухим листьям. Русский музей нравится ей с этой стороны гораздо больше, чем с Михайловской площади... Решетка у Собора на крови ужасна, в ней буржуазная напыщенность. По набережной Мойки прошли на Дворцовую площадь взглянуть на новую окраску Зимнего дворца. Он стал лучше, но площадь потеряла единство, а Александровская колонна своим цветом теперь совсем дисгармонирует с окружающим. Асимметричен кусок дворца, прилега-

ющий к старому Эрмитажу. У нескольких фигур Эрмитажа треснули ноги. «Они в белые ночи бегают на площадь играть в мяч, вот и поломали ноги!» По Миллионной шли. Заходили к Шилейко. Он совсем болен. В трамвае вернулись в ЩД. Пунин работал, а мы занимались английским языком на диване.

Именно в этот период Павел Николаевич с энтузиазмом отдается общественной работе в Ленинградском отделении Всероссийского Союза поэтов. Организация выступлений в рабочих коллективах на различных предприятиях, другие шефские выступления, организация литературных вечеров, творческие командировки, руководство литкружками и объединениями, оформление членов, принятых комиссией в Союз поэтов, организация выпусков поэтических сборников, альманахов...*

Получалось так, что Павел Николаевич жил как бы сразу в двух измерениях. Кипучая жизнь, общественная злословная работа — это его собственное измерение и — «ахматовское» измерение, в которое он погружался ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день.

Из дневника.

15.01.1928.

В пятницу ездил в Кронштадт — читать стихи в Центральной библиотеке... Аудитория интересуется пролетарской литературой... Меня принимали хорошо... После вечера — заседание литературного кружка — матросы и культработники... Решили войти в ЛАПП... **

...Другим любовь — весела и проста,
Другим ремесло — как слава.
А меня судьба обняла не так.
Я в ней, как в кольцах удава...

Да, ему пришлось нелегко. Во-первых, он потерял веру в то, что из него выйдет поэт с собственным голосом. Он начал стыдиться своих стихов, хотя и продолжал писать их всю жизнь. Там и сям по его записям разбросаны фразы: «АА просила прочесть ей мои стихи», или «Сегодня по ее настоянию читал ей, краснея, свои стихи», Ахматова иногда

* Формально был секретарём литбюро Федерации.

** Литературная Ассоциация Пролетарских Писателей.

хвалила их, иногда делала по какому-нибудь слову или строчке конкретное замечание, или вдруг начинала вслед за ним читать свои стихи...

Из дневника.
12.04.1925.

Спрашиваю, писала ли АА стихи за эту неделю. Отвечает: «Нет, не писала. А вы писали?» — «Одно». Мнусь, не хочу читать, ибо оно совершенно не отделано. АА: «Я его буду воспринимать как черновик». ...Я попробовал сам указать ей на недостатки. АА перебила меня. Стала читать это стихотворение, кроме нескольких мест, все его запомнила с первого раза. Я подсказал ей, и второй раз она уже прочла его без запинок. «Теперь я выучила его наизусть!..»

16.04.1925.

Читаю АА стихотворение: «Оставь любви веретено»... АА говорит: «Хороший русский язык...» Я начинаю ругать. АА перебивает меня: «Нет, вы слушайте, что я говорю... Хороший русский язык — это уже очень много... Теперь так мало кто владеет им!»

26.10.1925.

Прочел АА стихотворение — после долгих ее просьб — «Сгинет ночь — с утра могу работать»...

АА одобрила его, кроме строчки с «миром», которая режет ей ухо. И сказала: «Это еще в антологию Голлербаха»... * Я, передавая ей тетрадь, ответил: «Все... все 30 в антологию». — Засмеялся: «Мои «Романтические цветы»...»

2.01.1926.

Спросила — не издам ли я сборника в Московском издательстве. — «Нет, не издам, стихи плохие, и, кроме того, есть такие, которые и к Вам относятся, и Вам это будет неприятно!» АА очень определенно возразила, что никогда по отношению к стихам у нее не бывает таких «буржуазных» взглядов, что всегда и она и Николай Степанович были в этом отношении совершенно свободными.

* Эрих Федорович Голлербах (1895—1942 гг.) — Председатель Ленинградского общества библиофилов. К тому времени выпустил антологию «Образ Ахматовой» (1925, издание Л. О. Б.)

На улице у Инженерного замка. «Нескромный вопрос: «Синезвездность» «Ц. Л. Ф.» — Цецилия?.. Видите, на какие выдумки приходится идти поэту? Даты! Это мой способ! Александр Сергеевич тоже так делал!»*

«А в тетради — правильные даты». — «У меня тоже». — «Стихи брызжут — Николай Степанович советовал записывать. Когда у меня так бывало... «Тебе я писем не пишу» — не индивидуальное. «Оставь любви веретено» — хорошее стихотворение. «И плакать не надо и думать не надо» — «Свет увижу впереди» — плохо (окончание плохо). «Оленем или лебедем» — криминальная строка, а изменить жалко, может быть, она лучшая во всем стихотворении».

На обратном пути. «Перебежал дорогу черный кот» — «Летает ветер» — Мандельштам. Есть Гумилев и moi. «В котором пленниками пелитени» — «во взоре?» — Ничего не поделаешь — грамматика. Сборное стихотворение. «Твоим дыханьем навсегда нетленный» — хорошо сделано. Штампы? Может быть, но они не звучат как штампы, хорошо звучат. Перепиши мне. Я покажу Николаше** — как ценят. Не скажу чье. Отдайте переписать на машинке... «Я улыбнусь тебе при встрече» хорошее окончание, но в стихах есть дефект. Не знаю, в чем, не уловила — психологический: «я уж так тебе улыбнусь, что ты перевернешься!».

Лунная ночь. На Марсовом поле — на снегу, — я провалился, АА нет. Снег, как сахар, плотный. Весна. Чудная погода. Хороша луна в деревьях.

В хорошем, очень хорошем настроении, спокойная, веселая, ласковая. Шутит и юмор, но не ирония.

Прозвище Ахматовой — «Олень» пошло от старухи Макушиной. Тогда было очень голодно. На Фонтанке 2 Макушина, упрекая Ахматову и Судейкину в безделии, обратилась к Судейкиной, сначала выразила свое недовольство ею, а потом сказала про Ахматову: «И та тоже! Раньше хоть жужжала, а теперь распушит волосы, и ходит как олень!»

Макушина сказала это не самой Ахматовой. Ее она все-таки стеснялась. Судейкиной сказала. Ее она совсем не стеснялась, часто называла на «ты» и говорила ей в лицо все, что вздумается.

Можно представить себе, с каким восторгом Судейкина передала тогда ту фразу про оленя Ахматовой.

* Известно, что Ахматова иногда ставила ложные посвящения и неверные даты к своим стихам.

** Николай Николаевич Пунин (1888—1949 гг.).

Надо отдать должное Павлу Николаевичу — он никогда не подверг сомнению оценку Ахматовой его «поэтического дарования». Несмотря на то, что его стихи признавали и Н. Тихонов, и Вс. Рождественский, и Н. Браун; печатали их в «Звезде» и других изданиях; М. Светлов написал ему доброжелательное письмо из Москвы и опубликовал его стихотворение. Он правильно принимал оценку Ахматовой его поэзии, безо всяких обид и амбиций. По записям Лукницкого мало кому даже из больших, признанных поэтов «не досталось» от Ахматовой: и Пастернаку, и Мандельштаму, и Есенину, и Волошину досталось, не говоря уж о Г. Иванове и ему подобных. (Анненский, Блок, Маяковский ею не руганы.)

И нет ничего удивительного, что у новичка, начинающего, волею судьбы попавшего в эту элитарную среду, должно было неизбежно появиться чувство собственной неполноценности и в то же время желание во что бы то ни стало преодолеть эту неполноценность собственным творчеством, не обязательно стихотворным. Нет, он не перестал, не мог перестать писать стихи. Но навсегда перестал их печатать после 1930 года*.

Закончив работать над биографией Гумилева, но продолжая записывать Ахматову, он начинает осознавать и с каждым годом все более отчетливо, что должен найти свою тему, суметь заговорить «своим» голосом. Даже ради дружбы с Ахматовой Лукницкий не мог отказаться от своих «внутренних» завоеваний 17—24 годов, пусть еще не слишком крупных, но своих. Они его сформировали, а теперь он чувствовал, что застывает, начинает жить не своей, а чужой, пусть и интересной, но не своей жизнью. Его влекло в жизненный поток, к живому, полезному, идейному делу. Но и бросить Ахматову в трудные для нее годы он не мог. Он бы сам расценил это как предательство доверившегося ему человека.

Ахматову, как и многих людей ее круга, критика 20-х годов относила по ведомству «осколков разбитого вдребезги». Да и самой ей многое из того, что совершалось вокруг, было непонятно и чуждо. Живя в нищете своих дворцов, она воздвигала невидимую, но прочную границу между собой и внешним миром, не отвечая на критику, но внутренне остро, болезненно переживая ее. Таким было положение, когда Павел Николаевич впервые пришел к ней в Мраморный дворец.

Можно смело предположить, что Ахматова и сама, не случись даже этой встречи, постепенно приняла бы исторические перемены, совершившиеся в ее стране. Но несомненно, что встреча с Павлом Лукницким, человеком классово ей близким и в то же время представителем

* Сборник «Волчек» вышел в 1926 году (датирован 1927-м). Второй и последний — «Переход» — в 1931.

нового поколения, сформировавшегося под влиянием Революции и всего с ней связанного, ускорила перемены в ахматовском внутреннем сознании и во внешнем его выражении — стихах.

Ахматова относилась к своему молодому другу благожелательно. Его оценки, далеко не всегда совпадающие с ее собственными, тем не менее никогда не раздражали ее. Она умела быть терпимой и внимательной, умела слушать и слышать. Она ценила в нем правоту молодости и уважала крайности мнений, но еще больше ценила его безусловную преданность и любовь к ней. Прислушивалась внимательно ко всему, что он приносил с собой. Она даже читала кое-что по его рекомендации, а потом с удовольствием высказывалась о прочитанном.

Из дневника.
1.06.1927.

Сегодня ночью читала «Звезду» № 5, «Бирюзовый полковник» Тихонова. Понравился. Считает, что очень много прекрасных мест. Но считает, что полковник — совсем не верен, и нисколько на полковника не похож. «Проверьте меня предметно» — так скажет рабочий — металлист, а не б(ывший) полковник».

Показал ей в этой «Звезде» и «Ночную страну» Н. Брауна. Понравилось, хотя и отметила строки с 14 по 25, и очень блоковское — 46—54. Говорит — стилизация очень удачная.

Записи в дневнике свидетельствуют о том, что Павел Николаевич был одним из важных звеньев, связующих Ахматову не столько с новой литературной жизнью, сколько с самой новой действительностью. И, оставаясь до поры до времени в стороне, она ждала, — он это чувствовал и отмечал, — от его визитов, разговоров, оценок — ответа в своем собственном сердце. Ответа на главный вопрос: принимать или не принимать все то, что совершалось в той большой жизни страны, пока еще чуждой и не до конца понятной ей. Поэтому, если Павел Николаевич сам какое-то время не заводил животрепещущих разговоров (о его работе в Союзе поэтов или еще о чем-то, где он активно проявлял себя), Ахматова, вместо того чтобы предаваться воспоминаниям, нередко сама первая заводила разговор о текущей литературной жизни...

И в зацветающей тревоге,
Протянешь руку мне к губам,
Распрашивая о дороге,
О том, что делается там...

А он сам? Как повлияла Революция на его судьбу? Ни у него, ни у его родителей не было поместий, он не был «лишенцем», напротив, его отец принял Октябрьскую революцию с большим энтузиазмом, как нечто давно ожидаемое, и сразу же приступил к конструктивной работе. Только теперь, работая вместе с победившим народом, отец мог полностью реализовать свои мысли, идеи крупного инженера-строителя, военного специалиста, которые не могли найти применения в насквозь прогнившей системе монархической дореволюционной России.

Естественно, что у такого отца и сын был искренне захвачен революционными преобразованиями, истово верил в светлое будущее и мечтал о практическом применении своих сил. Это была чистая эпоха очень чистых людей и чистых идей. И молодой Павел Лукницкий был захвачен новой жизнью всецело. Планы, которые осуществляла в то время Советская страна, поражали своей грандиозностью, недаром поэт сказал о том фантастическом времени: «Я планов наших люблю громадьё». Была создана Государственная комиссия по изучению естественных ресурсов и производительных сил России. Кстати, в этой комиссии работал Графтио, бывший близким другом дома Лукницких. Мальчик с детства любил слушать разговоры взрослых и, если в то время далеко не все понимал в них, то ощущал необычность того, о чем шла речь, жаждал принять самое активное участие в строительстве нового мира, вырваться из среды (не из семьи, а из среды «интеллигенции» в дореволюционном смысле этого слова), и вырваться как можно дальше. Из детства, не ведавшего нужды, он, «прибавив» себе два года, ринулся в жизнь, набитую до краев неудобствами, опасностями, борьбой. И если в первый свой, ранний период он ушел из дома бороться с белобандитами, преодолевать опасности, носить револьвер, командовать бригадой рабочих-строителей, быть кочегаром паровоза и вести его по только что проложенному пути — в этих действиях у него, как у любого парнишки, наряду с революционной интуицией хватало и романтического авантюризма. Но зато следующий этап его биографии был результатом осознанного решения, выношенного после почти шестилетнего пребывания в среде литературно-элитарной, людей, занявших позиции в лучшем случае сторонних наблюдателей (вспомним ахматовские строки «Наше дело — сторона»). Павел Николаевич сознательно избрал путь служения своему народу и утверждения себя как писателя и гражданина в этом непростом процессе.

Из дневника.
13.06.1927.

«Хотите, я Вам скажу, как решилась Ваша судьба?»

Январь или февраль 1924 — сон (3 раза подряд видела Николая Степановича). Тогда взяла записную книжку и записала краткую биографию. Перестал приходить во сне. Очень скоро встретила Лозинского, и он сказал о Вас. Я почувствовала даже какую-то обиду — значит, ко мне не считает нужным прийти. Но эта обида очень скоро прошла. А потом — не помню какого числа (но Вы его, кажется, помните), пришли ко мне Вы...»

Но это была еще **не судьба**. Это был только один из этапов, вернее даже, аспектов судьбы Лукницкого.

Для него было счастьем и — одновременно — началом судьбы время до встречи с Ахматовой. Когда вели железную дорогу через Урал и Казахстан, он успел увидеть огромную часть страны, полюбить ее людей, сблизиться, освоиться с ними, проникнуться единым с ними духом, одними устремлениями.

Именно это и стало «его» темой. Его судьбой. Его судьбу решила не Ахматова. Ее решила Революция. Он сам нашел свою судьбу и чувствовал, все эти шесть лет служения чужой судьбе, чувствовал, что должен продолжать с вою.

Многие, даже ранние записи в его дневнике свидетельствуют, что ахматовское окружение претило ему своей ограниченностью.

...И быть свободнее лани хочешь,
Только напрасно о том мечтаешь:
К тебе никогда не придет свобода...
Стала водить недобрую дружбу:
Все-то друзья у тебя — драконы...
Все не позволят искать свободу...

...Какое надо напряженье воли,
Чтоб так работой муку врачевать...

...И статую целуют пьяницы,
На лоб хлобуча котелок...

Шестилетний этап вращения по «чужому кругу» тяготил его, порою унижал. Но необходимость записывать Ахматову он считал чрезвычайно важной, да и оберегать, нейтрализовать пагубное воздействие той среды, в центре которой в силу сложившихся обстоятельств она оказалась, он

считал для себя необходимым. Пока он ощущал себя нужным, он не мог ее оставить...

В одну из зим, когда здоровье Ахматовой окрепло, они часто спустились на снега заледенелой Невы, шли мимо Летнего сада до Фонтанки и по ней к дому № 2. Ее всегда тянуло туда...

Павел Николаевич учил Ахматову ходить на лыжах, она с удовольствием попевала за ним по свежей лыжне и домой возвращалась зарумянившаяся и веселая.

Ему часто удавалось ее развеселить. И тогда наперекор тайным, высказываемым только в минуты полной откровенности печалям, воцарялась атмосфера летучей легкости суждений, озорной непринужденности. В ахматовских оценках тогда сквозило лукавство, порою дерзость. Это касалось как поэтов — ее современников, так и «вечных спутников» прошлых эпох, не менее живых для нее.

Из дневника.

17.01.1926.

Заговорила об антологии «Весенний салон». Я попросил дать ее мне, чтобы оттуда выписать стихи Брюсова и послать их Брюсовой... АА сказала, что поищет и найдет, если только не сожгла ее... «Как сожгла?» АА засмеялась: «Дурные книги нужно сжигать!..»

...Детским голосом: «Дневничок... дать... она хочет...» Я дал свой дневник неохотно... АА стала шутить и балагурить.

Май — июнь. 1926.

Самое непонятное — это неумение жаловаться. АА не знает, что такое жалоба, потому что жалоба — слабость духа, желание переложить часть своей личной тяжести на плечи другому.

30.12.1927.

Проводил АА к Замятиним на званый обед. Прощаясь, сказала тихо, неожиданно и грустно: «У меня такое тяжелое сердце... Бывает такое сердце... Тяжелое, тяжелое... Не знаю почему...»

Богатство интонаций, то серьезного суховато-строного, то ласкательного-интимного, то — в самом узком кругу — шутивно-детского, жалостливого, если взволнованного — то очень глубокого и гортанного, или

иронически-грубоватого, надменного голоса, создавало целую гамму «ее голосов», придавало особенную выразительность ее речи. Можно составить словарь из шутливых слов, острот, прозвищ, домашних наименований вещей, людей, явлений — язык, при помощи которого только самые близкие люди могли понимать один другого. Бытовали в доме и домашние прозвища: «Акума» — Анна Андреевна; «Букан» — Шилейко; «Катун мальчик» — Пунин; «Катун младший» — Лукницкий; «Рыбаки» — Рыбаковы*; «Оська» — Мандельштам.

Часто к мебели, к столу, креслу и т. п. АА прилагает самые нежные, самые ласковые эпитеты. Сумочка у нее — «мифка». Трамвай — «трамуси». Подруг и друзей именовала всегда по имени. Часто: «беднягушка», «Коотусь». Только Лозинского Ахматова звала не иначе как Михаил Леонидович. Может быть, из-за его англазированной манеры держаться — всегда подтянуто, подчеркнуто корректно, уравновешенно. Но даже и его за глаза называла «Лозинской».

О великих, любимых ею творцах давно ушедших времен она говорила так, словно только вчера виделась с ними.

Из дневника.
11.03.1927.

Характерная черта: о Пушкине, о Данте или о любом гении, большом таланте АА всегда говорит так, с такими интонациями, словечками, уменьшительными именами, как будто тот, о ком она говорит, ее хороший знакомый, с ним она только что разговаривала, вот сейчас он вышел в другую комнату, через минуту войдет опять... Словно нет пространств и веков, словно они члены ее семьи. Какая-нибудь строчка, например, Данте — восхитит АА: «До чего умен...старик!» или «Молодец Пушкин!»

Она знала не только их произведения, но и мельчайшие подробности их биографий, поступков, быта, знала их вкусы, высказывания, шутки, горести, настроения. Она как бы вводила их в круг самых близких своих друзей. Необычным и удивительным было ее свойство сквозь пространства и времена проникать в души людей! И поэтому дом ее, посещаемый очень-очень немногими, казался всегда наполненным и оживленным. В нем можно было «лично» встретиться с Данте и Микеланджело, с Растрелли и Байроном, Шелли и Шенье и — чаще и ближе всех — с Александром Сергеевичем Пушкиным.

* Рыбаковы — Иосиф Израилевич — коллекционер, искусствовед, и Лидия Яковлевна — его жена — друзья Ахматовой.

Невероятная способность превращать давно ушедших людей в живых, полнокровных, блестящих остроумием собеседников, находиться в их благородной атмосфере, ощущать себя с ними «на равных».

Всему низменному, всему обывательскому, открыто презираемому Ахматовой, просто не было места в высокой духовной жизни ее.

Собственно круг реальных знакомых у Ахматовой не был единым. Их было несколько — ближе или дальше от ее сердца, от ее симпатии, от ее откровенности. Даже манеры держаться при разных людях разные.

Более или менее часто в период 1926—1928 годов Ахматова встречалась с Гуковскими, М. В. Рыковой*, сестрами Данько, Рыбаковыми, Мандельштамами, Замятинными. Духовная близость к каждому из них не мешала ей критически относиться к их недостаткам, к подмеченным ею смешным, курьезным сторонам их характеров, к тем или иным их поступкам.

Шилейко — язвительный, остроумный, ироничный, весь в своих таблицах, черепках, клинописях, пожелтевших страницах древних эпосов, остатках древних материальных культур — был «не от мира сего», и с «характером целых трех Ахматовых»... Надо было его хорошо понимать, чтобы уживаться с ним.

В том логове жутком, высокий, сутулый,
И седобородый тебя заморил.
Песни в стенах живут, как чугунные гулы,
Зори в окна ложатся, как плесенный ил.
И цепная собака стеречь сновиденья
По ночам у постели ложится всегда...

Так вначале воспринял ученого молодой человек, увлеченный дружбой с самой Ахматовой. Почему? Может быть, видя Шилейко, отраженным в «ахматовском зеркале»? Все, что не касалось его общественной жизни, он воспринимал так, как она того хотела.

Но сама Ахматова всегда оставалась выдержанна, корректна и мила в жизни и письмах со своим бывшим мужем и старым другом.

Из писем Ахматовой Шилейко.
15.01.1926.

«Сейчас отправила тебе, милый Букан, 45 руб. по телеграфу. Это академическое жалование, добавочные дадут дней через 6, сказал казна-

* М. В. Рыкова — сестра Н. В. Гуковской (урожденной Рыковой).

чей. Посылаю повестку из университета, которую принесли сегодня утром. Отчего ты не ответил мне на мое «спешное» письмо? Здоров ли, как дела? Напиши мне, не ленись и не сердись на меня до непосылания поцелуев и поклонов. Это очень горько. Ваша Акума.

Пёсынька здоров.
Добавочные вышлю, когда получу».

23.09.1926.

«Дорогой Володя, я приехала в Царское на несколько дней, живу в пустой квартире Рыбаковых. Очень беспокоюсь, чтобы не вышло путаницы с твоим возвращением в город. Пожалуйста, извести меня заблаговременно, чтобы тебе не пришлось к великому соблазну соседей ломать замки своего собственного дома.

Мой адрес: Детское Село. Полуциркуль Большого Дворца, кв. № 1, Рыбаковы.

Тапуса? Тапуса в порядке. Все находят, что он поправился. Говорить о себе нет силушки. Прости. Привет В. К*. Приезжай. Твоя Ахматова».

30.01.1927.

«Наш Букан, я больна, лежу, находят что-то вроде бронхита. Пожалуйста, береги себя и собаку. Не ленись топить, кушай по-человечески, по возможности не выходи — холод жестокий.

Что Плиний? Что Маня**? Целую. Ваш Акум».

Ахматова очень не любила своего почерка, собирала у друзей и подруг все, что было написано ее рукой, и уничтожала...

Шилейко переводил клинописи, диктуя Ахматовой прямо «с листа», даже стихи она писала под его диктовку. По 6 часов подряд записывала. Во «Всемирной литературе» — должна быть целая кипа переводов ассирийского эпоса, переписанных рукой Ахматовой... И это при ее отвращении к процессу писания!..

* Вера Константиновна — жена Шилейко, урожденная Андреева.

** Маня — домашняя работница.

Из дневника.
7.11.1925.

...В 6 часов мне позвонил Пунин, спросил, буду ли я дома, и сказал, что часов в 7 ко мне собирается АА.

Я обрадовался, стал приводить комнату в порядок. В половине восьмого АА вошла...

... Не прерывая разговора и отказавшись от второй чашки чая, АА встала, подошла к печке и прислонилась к ней спиной, выпрямившись во весь рост. На ярко-белом блестящем фоне — еще стройнее, еще изящней казалась ее фигура в черном, шелковом платье... Руки за спиной она приложила к жарко натопленной печке. Чувствовалось, что АА радуется теплу, так непривычному для нее... Она даже заметила мне, что в комнате очень тепло. Разговаривая, АА приучала взгляд к комнате... Смотрела быстрыми, скользящими взглядами на портреты и картины, висящие по стенам, на книжный шкаф, на все «убранство» комнаты... Села опять к столу, разбирала опять материалы...

Ты быть внимательной хотела,
Ты в комнату мою пришла.
Все книги, вещи, стены — смелым,
Коротким взором обвела.
Ушла... И прежнего покоя
Я в комнате не нахожу:
На стол, на книги, на обои
С печальной завистью гляжу.
И прежде ласковые вещи
Теперь, храня твой серый взор,
Насторожась, молчат зловеще,
Как будто я — голодный вор.

22.01.1926.

В 9 часов вечера АА позвонила мне и сказала, что через 1/2 часа придет. Пришла. В руках пакетик — сыр и батон: ужин Владимиру Казимировичу, который она ему отнесет на обратном пути. Снял ей шубу. Провел в мою комнату. Белая фуфайка. АА расстегнула ворот и заложил его вовнутрь, открыв шею. На ногах топчущие боты. «У вас — по-новому?» — и взглянула на мой приставной стол для работы. На столе навалены бумаги — работа по биографии Гумилева. Села к столу. Зеленый свет лампы залил лицо, — глаза нездоровые, плохо выглядят, лицо усталое, но разговаривает в веселом тоне.

Стала рассказывать о том, как вчера показывала Шилейко свою работу. Шилейко долго не хотел смотреть, чтобы не отрываться от своей

работы. Наконец, согласился. Внимательно выслушал, «выглядел» все, что АА показывала ему. — «Когда Вам пришлют горностаевую мантию из Оксфордского университета, помяните меня в своих молитвах!»...

Шилейко занимается сейчас изучением связи Гомера с Гильгамешем, а АА — Гомера с Гумилевым и Анненским...

Интересно было бы, если б треугольник замкнулся.

9.02.1926.

На столе моем лежала вырезка из газеты — извещение о смерти Ларисы Рейснер. АА поразились этим известием и очень огорчилась, даже расстроило ее оно. «Вот уж никак я не могла думать, что переживу Ларису!» Много говорила о ней — очень тепло, очень хорошо, как-то любовно, с большой грустью. «Вот еще одна смерть. Как умирают люди!.. Ей так хотелось жить, веселая, здоровая, красивая... Вы помните, как сравнительно спокойно я приняла весть о смерти Есенина?.. Потому что он сам хотел умереть и искал смерти. Это — совсем другое дело... А Лариса!..» — и АА долго говорила, какой жизнерадостной, полной энергии была Л. Рейснер...

Рассказывала о ее выступлении (кажется — первом). «Возьмите меня за руку — мне страшно» — сказала 16-летняя Л. Рейснер на вечере (в Тенишевском?)

12.10.1927.

«Вечер провела у меня. Пришла часов в 9, нарядная, в черном шелковом платье, в ослепительных шелковых чулках... Очень скоро мама нас позвала в столовую. Ужинали, пили чай и вино — Мускат Люнель и Абрау — вчетвером: папа, мама, АА и я.

Потом я с АА вернулся в мою комнату. Потом прочел ей стихотворение «Дикарка милая, скорее забывай», спрашивал ее мнение. Сегодня высказывала охотно. Потом читала стихи сама: «Ты прости мне, что я плохо правлю» (сказала, что написала его в августе в этом году). «Здесь Пушкина изгнание началось» и другие...

Ушла в 12 с половиной, и я пошел провожать ее в ШД.

11.06.1927.

Сегодня в 4-м часу дня к АА пришел К. С. Петров-Водкин. Человек, не знающий, что надо уходить. Ушел он только потому, что я уговорил его не опаздывать на поезд, отходящий в 7.40 (он живет в Шувалово). Он совершенно замутил АА своим сидением...

Когда АА жила вместе с Судейкиной, Петров-Водкин приходил, просиживал бесконечное количество часов.

...Разговаривала с ним сегодня с колоссальным напряжением, тем большим, что старалась не показывать этого напряжения ему.

Петрова-Водкина АА считает очень хорошим художником.

По дневникам Лукницкого, в 1926 году Ахматова обрела «крышу» в доме Николая Николаевича Пунина.

Пунин — известный искусствовед, жил на Фонтанке в просторной квартире бывшего особняка графов Шереметьевых — Шереметьевском доме, или просто Шердоме.

Здесь Ахматова вынуждена была подчиниться распорядку быта этого дома. Здесь обстановка отличалась от шилейковской. Здесь была семья. Круг близких ей людей тоже несколько изменился, вернее, сузился. Гуковский похоронил жену — подругу Ахматовой — Наташу Рыкову; Лозинский в этом доме почти не бывал, материальное положение Ахматовой благодаря пенсии несколько улучшилось. Но не очень...

Пунин — Лукницкому.
1.09.1927.

«Павлик, гроза дельфинов! (узнаете стиль?)»

Живем очень хорошо, в мире. Не пишут Вам, говоря: «Уехал от меня, и не буду писать» — и тут же прибавляет: «Уедет дурак в море с дельфинами своими и еще потонет... Николаша, напишите, чтоб не смел ловить дельфинов» (тоже цитата!). Очень гуляют и хотят идти к Фроману*, но туда не пускают.

АА нарядная, красивая, в новых туфлях, Тапа привела, Вольдемар Казимирович приедет к 1 октября. Собираемся с 6 сент. жить в Детском, только очень плохо с деньгами; не знаете ли, у кого можно занять рублей 50 — на Детское, если знаете, сообщите. Отдать могу в декабре. Собираемся также в Москву в конце сентября, т. к. к этому времени придут картины из Японии.

Был в «Звезде», спасибо за протекцию; пишу для них статью, если уедем в Детское — там быстро кончу.

Погода приличная, похолодало только последние три дня, но у Тапа все четыре уха здоровы. Карточки почти не вышли, недодержали, и не в фокусе; снимал АА в виде «борца» — ничего борца, «что надо», посылаю не фиксированную новую карточку — если бы не фон, пожалуй, было бы интересно. «Борца» посылавать не велит.

* Михаил Александрович Фроман (1891—1940 гг.) — поэт, прозаик, переводчик.

Приезжал Лева, гуляли и были у нас, снял их.

Мануйлов* сидит на диване и с жаром разговаривает о «Графе Нулине» и «Онегине», по-моему, это серьезный соперник и зря Вы его сюда посылали. До Вашего приезда обещаю уберечь, а там уж смотрите сами. Пушкинианцев вообще следует попридержать, почва слишком благодатная!..

Воображаю, как мне попадет, когда АА прочтет это письмо, но я рыцарски верен Вам, как и Вы мне, поэтому все готов выдержать. С полным самоотвержением жму Вашу руку. Н. Пунин».

Лукницкий — Пунину.
14.09.1927. Кавказ.

«Дорогой Николагасаки!

Получил письмо Ваше — радовался много. Уж очень бедовал, что нарядная и красивая. В том, что «нарядная» еще нет греха, а вот попросили бы, чтоб подождала быть красивой до... ну, хоть до моего возвращения. И завидовал Мануйлову — эдакий сорванец — и о Нулине и об Онегине!.. Но попридержите, пожалуйста, попридержите, а то худо мне теперь будет. Я и то уж по духанам пошел... Вот сейчас слева — музыка, конечно, абхазская, охает в бубнах, извивается на смычках, лепетом ходит по бандурам, сверху — полная луна осела в пальмовый белый цвет; справа — плюц, и за ним гуторит гортанная, непонятная абхазская речь; внизу, у ног моих — зверь... лежит, скрестив передние лапы, и глядит на меня умильно, видно, и он кахетинского хочет. Впереди — море, как жидкая медь; качаются пузатые черные шхуны, и от них на слабом ветерке прилетает клохочущая греческая ругань. На горизонте собираются тучи и медленно-медленно пожирают трепетное звездное небо. Ночь душная, тяжелая, разлилась вокруг, как черное молоко. И электрические лампочки совсем разъярились, побелели от жара...

Сегодня был в Синопе. Тропики забрались сюда и совсем расхозяичились: какая-нибудь пальмовая, сплетенная с бамбуковой роща, даже солнце не хочет к себе пускать. Стоит темная, как первородный грех. Влажно в ней, чуть страшно, и, кажется, за каждым стволом обезьяны попрятались. Да и вправду есть здесь обезьяны. Видел их, за руку здоровался: здесь большой обезьяний питомник с профессором Тоболкиным во главе... Вот он, Сухум какой!.. Отсюда уеду либо пароходом, либо на шхуне «Алеша Чепаридзе». Управделами Предсовнаркома Абхазии обещал организовать поездку.

* Виктор Андроникович Мануйлов — литературовед, поэт, был направлен к Ахматовой с рекомендацией Лукницкого.

А забавен же сам Предсовнаркома Абхазии т. Нестор Лакуба. Простота здесь необычайная: заходи к нему в Совнарком или на дом всякий, кто захочет, никаких формальностей не надо. Запросто. А вечером, если увидишь его в духане — подсаживайся, пей турецкий кофе, разговаривай о чем хочешь и сколько хочешь. Очень мне это нравится...

Оленю ручки целуйте, скажите, что... «Но ты сказал и я буду покорен»... и не обижайте Оленя, знаю, все вы такие, погонщики...

Самозабвенно П. Лукницкий.»

В 1926 году в Москве устраивали Пушкинский вечер в пользу Ахматовой. Павел Николаевич имел неосторожность, придя в ШД., рассказать об этом ей. Она очень рассердилась и стала говорить о том, что она этого не хочет, не желает, что она не примет этих денег, что нельзя устраивать вечер в чью-либо пользу, не спросив разрешения. В студии Морозова град упреков из-за того же упал на Павла Николаевича от Замятиной. Потом Пунин напустился на него с тем же.

Безумная щепетильность Ахматовой... Она попросила Павла Николаевича написать — скорее, что она денег все равно не примет, что она совсем не нуждается...

Маршак оказался мудрее. Правда, это было гораздо позже...

Из дневника.
19.11.1927.

«Звонил С. Я. Маршак, спрашивал, нет ли у АА в виду человека, которому можно было бы поручить написать детскую книгу о Пушкине.

По-видимому, это была скрытая форма предложения самой АА — Маршак знал, что АА ничего не зарабатывает...

«А Вы в Москву не раздумали ехать?» — спрашиваю АА. Быстро ответила: «Денег нет», но спохватилась, и, желая убрать эту причину, заговорила о том, что она больна, да и желания у нее сейчас особенного ехать в Москву нет... «Нашли Вы еще что-нибудь интересное в области сравнений произведений Пушкина разного времени?» Сказала, что ничего не нашла, потому что не искала, — ей нужно перевести монографию о Сезанне, она перевела еще очень мало, страниц 20—30, а в книге 400 страниц, и это отнимает у нее все время, и для себя уж ничего не может делать — не остается времени...

Итак, все восполнялось неукротимым увлечением духовными богатствами. Особенно она пристрастилась к изучению архитектуры старого Петербурга.

Павел Николаевич рассказывал, что она могла перечислить и описать творения многих десятков архитекторов, создававших город с Петровских времен. И не было в Ленинграде старинных зданий, монументов, решеток, ворот, мостов, подведя к которым спутника, Ахматова не могла бы рассказывать об их творцах все подробно и в деталях. Под благотворным влиянием Пунина она вошла и в среду изобразительного искусства. Со своей стороны, Пунин пользовался помощью Ахматовой. Это было обогащением взаимным.

Из дневника.
22.11.1926.

Пунин, узнав вчера вечером, что сегодня ему нужно доклад читать... стал просить АА приготовить его к сегодняшнему дню.

Всю ночь АА работала, прочла книгу об Энгре в 120 стр. и к 7 часам утра все было сделано...

20.03.1926.

Пунин говорил о том, как хорошо он с АА проработал Давида. Сегодня у него был кто-то из Эрмитажа, кто, казалось бы, должен знать о Давиде очень много, и однако Пунин превзошел его своими познаниями и дал ему много указаний о Давиде.

Пунин при мне выражал свое неудовольствие по поводу того, что Шилейко не уезжает, потому что его присутствие здесь препятствует АА регулярно работать по Сезанну...

Это была весна 1926 г. Когда Павел Николаевич пришел к Ахматовой в очередной раз, она лежала в постели с повязанной платком головой и грустно и тихо говорила ему, что совершенно не имеет времени для работы по Гумилеву, потому что все ее время уходит на перевод Сезанна. Что ей приходится работать для Пунина — переводить статьи по искусству, с французского, подготавливать доклады для Института истории искусств. Что время у нее разбито из-за того, что она не имеет своего жилища, и живет между ШД и Mr. Дв.

Вот тогда-то Ахматова и сказала Павлу Николаевичу: «Выходя из дома Гумилева, я потеряла дом!»

АА не любит говорить по-французски, потому что сознает, что не может находить слова с той точностью, с какой находит их, когда говорит по-русски...

Три дня подряд прилежно переводила французскую монографию об одном из художников и составляла конспект лекций для Пунина. Занимается этим постоянно. Так, подготовила старых — XVIII века — французов и француз XIX века. Раньше конспектировала с трудом 2—3 страницы. Теперь в один присест — страниц по 150. Об одной из школ, о которой были только английские и немецкие монографии, не могла прочесть и сделать конспекта по незнанию этих языков.

1927, 1928 годы в Фонтанном доме Павел Николаевич продолжал бывать у Ахматовой так же часто, как и в Мраморном дворце. Ахматова, в свою очередь, бывала у Павла Николаевича — чаще одна, иногда с Пуниным.

Сложность ее быта Павел Николаевич, как мог, ей облегчал со всей энергией юного, здорового человека. С матерью Павла Николаевича, как и с отцом его, Ахматова поддерживала доброе знакомство. И, когда она подолгу лежала в постели, Евгения Павловна посылала ей обеды. Павел Николаевич отвозил их на велосипеде и разогревал на примусе. Он доставал ей лекарства, ездил по разным ее делам к ее друзьям и знакомым, получал по доверенностям ее пенсию в ЦКУБУ и зарплату Шилейко в Академии, когда тот бывал в Москве, писал за Ахматову письма, телеграммы, иногда под ее диктовку, в иной раз под ее контролем, а то и просто по ее поручению. Кроме того, ей очень нужен был всегда человек, с которым она могла бы делиться всеми трудностями своих отношений с людьми в ее сугубо личной жизни. Можно было бы сказать «семейной жизни», если бы слово «семья» хоть в какой-то степени могло быть приложено к «отдаленной» от всех натуре Ахматовой. Павел Николаевич всегда выполнял ее поручения охотно, и столь же охотно она возлагала их на него, сохраняя абсолютную веру в преданность человека, бескорыстными услугами которого пользовалась.

И не было вопроса, какой он не мог бы ей задать. Хотя, впрочем, благодаря высоко ценимому Ахматовой его такту, он этим не пользовался. И не было случая с ее стороны, когда он прочел бы фигуру умолчания или неполной доверительности.

Ее суждения о людях, даже самых близких, оставались при нем. Он никогда ни в чем не подвел ее.

Создателями этой формы отношений были они оба, потому что, ес-

ли бы не его и природные и воспитанные им самим качества, так устраивающие ее, не его всецелая преданность, то дружба вряд ли бы состоялась.

И ты меня не упрекнешь
Ни в чем — ни сердцем, ни мечтою,
Ты знаешь, что не может ложь
Лечь между мною и тобою.

Все так же чту, все так же верю,
Все так же, до конца, люблю
И страстью дух не оскорблю,
И тайны никому не верю...

...Она все чаще и чаще призывала его к себе по разным поводам. И высказать мнение о книгах и людях, и поделиться своими творческими пушкиноведческими планами, и прочесть только что написанные стихи или отрывки, или давние, брошенные на полуслове.

Беседы с Ахматовой давали Павлу Николаевичу очень многое — в смысле развития чувства слова, понимания русского языка, выработке вкуса. У нее же научился он почитанию Пушкина и такой любви к нему. А когда разговор касался тех областей искусства, в которых Павел Николаевич не мог «соответствовать» ей, она терпеливо разъясняла ему, советовала прочесть ту или иную книгу, посмотреть ту или иную картину, познакомиться ближе с предметами темы.

Из дневника.
3.03.1925.

В ответ на мои слова о большой эрудиции АА она сказала, что она очень мало знает.

«Я знаю только Пушкина и архитектуру Петербурга. Это сама выбрала, сама учила».

Память у Ахматовой была поразительной. Эрудиция — огромной. Единожды прослушанное ею лет десять — пятнадцать назад стихотворение близких ей по духу поэтов она могла полностью прочесть наизусть и только иногда, забыв одно-два слова, говорила: «а здесь... точнее... точно... забыла!»

Помнить раз услышанные стихи у Ахматовой считалось хорошим тоном. Так же запоминали их и Лозинский, и Шилейко — сам поэт, писавший и публиковавший свои стихи.

Из дневника.
8.04.1927.

Сегодня я учинил АА нечто вроде экзамена по знанию Пушкина. Взял однотомного и раскрывал на любой странице. Выбирал какую-нибудь самую малохарактерную для данного стихотворения строчку, читал ее вслух и спрашивал, из какого она стихотворения, какого года... АА безошибочно называла и то и другое и почти всегда наизусть произносила следующие за этой строчкой стихи... Перебрав так пятнадцать — двадцать примеров, я перешел сначала к прозе, а потом к письмам Пушкина. Оказалось, что АА знает и их так же безукоризненно хорошо. Я читал часто только два-три слова, и всегда АА совершенно точно произносила следующие за ними слова, а если это было письмо, — подробно пересказывала мне содержание...

Могу утверждать, что и письма Пушкина АА знает наизусть.

Когда Ахматова рассказывала что-либо, то у нее получалось всегда так складно, как будто то, что она рассказывала, — литературное произведение. По этой причине речь ее при рассказывании всегда сопровождалась паузами. И предпочитала молчать в тех случаях, когда чувствовала, что ее рассказ не мог быть дан в окончательном, отшлифованном виде.

Однажды Ахматова рассказывала, как граждан выгоняли из квартир рыть окопы — то, что Федин изложил в «Городах и годах».

Для рассказа «Братья» Федин опять обратился к ней с просьбой рассказать о Петербурге такое, чтоб это было необычным, непривычным и вместе с тем наиболее характерным, и она рассказала ему о Васильевском острове и при том дала рассказу определенную тональность.

Павел Николаевич обычно читал ей сделанные им записи. Она осторожно корректировала. Кроме указаний на фактические неточности, в его суждения не вмешивалась.

Из дневника.
22.01.1925.

Когда я читал АА воспоминания Мандельштама о Гумилеве, АА сказала мне: «Вы смело можете не читать, если что-нибудь обо мне. Я вовсе не хочу быть вашей цензурой. Гораздо лучше, если Вы будете иметь разносторонние мнения...»

Рассказывал, что способность ее к самоанализу была исключительной. В этих случаях она как бы смотрела на себя издалека, со стороны. Говорил, что она терпеть не могла мифов о себе, созданных понаслышке или по первому впечатлению.

Но иногда, о ней самой, кое-что все же советовала убрать, переделать... Шутила по какому-нибудь конкретному поводу: «А я и не знала, что я такая: постараюсь исправиться!» По поводу «восхищений» в ее адрес, которые часто рассыпал в своем дневнике ее восторженный друг, она была непримирима, корила его и, словно в свое оправдание, доказывала ему на конкретных примерах, какая она на самом деле «плохая»; говорила, что хочет, чтоб ее видели во всей реальности ее противоречий — достоинств и недостатков, что ей во всем нужны простота, правдивость и справедливость. Но, несмотря на то, что Ахматова и протестовала против «восхвалительных» строк и Павел Николаевич, бывало, покорялся — выбрасывал, тем не менее в дневнике их не могло не быть...

Из дневника.
24.01.1925

Показала мне свинцовую медаль с ее профилем, сказала, что любит ее. Я заметил, что профиль тяжел.

«Это мне и нравится... Это придает «античности»...»

20.03.1925.

Принес АА бутылку мадеры. Принес и подарил том Державина (изд. Смирдина, 1883 г.), надписал: «А. А. Ахматовой.

Ты не тщеславна, не спесива,
Приятельница тихих муз,
Приветлива и молчалива...

1925. 10. 03. Петербург. Преданный П. Л.»*

20.03.1925.

АА очень огорчилась дневником: «По этому дневнику выходит, что я злая, глупая и тщеславная... Это, вероятно, так на самом деле и есть»...

* Этот том хранится ныне в литературном музее Пушкинского Дома.

Эти слова АА заставили меня внимательно прочесть дневник. И вот в чем я убедился. Дневник мой ведется совершенно по-дурачки. Действительно, получается черт знает что! Получается совершенно неверное представление об АА. Я думаю, что это происходит вот от чего: я записываю далеко не все. Из каждого разговора я записываю фразу или несколько фраз, которые сильнее запали в память, а все остальное окружение этой фразы в дневник не попадает. Те фразы, которыми пестрит мой дневник,— это не есть ее отношение к данному человеку... Та ирония, которая есть у нее по отношению к другим, еще чаще бывает по отношению к себе самой.

...То же самое должен повторить о тщеславии АА.

АА не тщеславна, не носится с собой, не говорит о себе, не любит, когда о ней говорят, как об «Ахматовой», не выносит лести, подобострастия... Чувствует себя отвратительно, когда с ней кто-нибудь разговаривает как с мэтром, как со знаменитостью, робко и принужденно-почтительно. Не любит, когда с ней говорят об ее стихах. Пример — ну, хотя бы история с антологией Голлербаха... Ей как-то стыдно было разговаривать о ней. Отсюда отзывы ее о Голлербахе, она иронизирует над ним, острит, шутит, посмеивается. За пониманием желания Голлербаха сделать ей приятное возникает вопрос: «Ну зачем это? К чему это нужно?» Самый факт существования этой антологии ей неприятен, как бывает неловко надеть слишком дорогие бриллианты. Я не хочу, чтоб по моей вине можно было судить об АА ошибочно. Хулителей, не знающих действительного облика АА, найдется много...

В дневнике Павла Николаевича об Ахматовой можно прочесть, что у Ахматовой никогда не было ничего своего, ни обстановки, ни посуды, никакого имущества. Только духовные интересы, высшие и светлые, «золотое бескорыстие», честность и благородство, какие бывают даны лишь **необычным и неповторимым** натурам...

Из дневника.
17.01.1926.

...Взяла дневник, стала читать запись за 9 января. Прочла несколько строк. «Видите, как хорошо! И как интересно!..» Стала уже внимательно читать дальше. «Видите, как интересно! И если вы будете так записывать, будьте уверены, что лет через 100 такой дневник напечатают»...

А мне надоело смотреть, как АА читает дневник... Я стал трунить и мешать ей шутками... АА взглянула на меня. «Сидите спокойно и занимайтесь каким-нибудь культурным делом! — «Я занимаюсь «культурным» делом — смотрю на вас», — рассмешил АА... Опять углубилась в дневник.

«Не читайте, бросьте, тут наворочено, а вы вчитываетесь». — «Сейчас, сейчас, — не отрываясь от чтения, бросила АА, — тут две странички осталось, и все очень хорошо и не наворочено!..»

Первая стадия работы Лукницкого и Ахматовой — собирание информации — завершалась, и Павлу Николаевичу можно было уже приступать к монографии «Труды и дни Н. Гумилева». А он продолжал ежедневно посещать и записывать Ахматову, — ведь теперь у нее был уже опыт, чтобы начать серьезные изыскания по Пушкину. Это начинающие придавало ей жизненных сил. Ее преображение было прекрасным... Но это отдельный рассказ.

А вот запись, сделанная несколько лет спустя.

Из дневника.
15.11.1935.

«Долгое время я не был у АА, с которой вообще встречаюсь теперь очень редко. Но вот 14 ноября 1935 года я зашел к ней. Не о Пушкине, не о литературе, как всегда, — содержание нашей беседы в этот раз было совсем необычное, и этот разговор, имеющий огромное значение для биографии АА, мне хочется записать.

До этого я никогда не вел с АА разговоров о политике... Сама АА, никогда не разговаривавшая со мной на политические темы, всегда считала себя человеком аполитичным. Мне казалось странным и непонятным, как это так — человек большого духа и бесконечного внутреннего благородства, умный и талантливый, — как это так, АА никогда не заводила со мной разговора о колоссальном росте нашей страны, о ее подлинно социалистических успехах... В этой молчаливости АА я видел некоторую позу — позу созерцателя — и приписывал ее психологическому шоку, вызванному уязвленным самолюбием, возникшим в результате схода ее со сцены действующей советской литературы и тем духовным и физическим одиночеством, которые явились следствием того, что она пережила своих прежних литературных собратьев — представителей до-революционной духовной культуры...

Учитывая это, я из чувства такта никогда не затрагивал в разговорах с нею те темы, которых не затрагивала она сама. ...Мои чувства к ней, как к человеку высокой культуры, высоких личных человеческих качеств, оставались; я испытывал к ней большое уважение, но вместе с тем, думая, что есть многое в нашей эпохе, чего она до конца понять не может, оставаясь интеллигентом в узком смысле этого слова, я все же внутренне весьма от нее отдалился. Иногда мне казалось, что ее трезвый ум, любовь к родине, ясность мышления сломают последние оставшиеся в ее психологии противоречия, и она станет из пассивного

созерцателя активным участником советского строительства, как говорят сейчас, «на культурном фронте».

В этот вечер я заговорил о разных вещах, которые меня в последние дни волнуют. Я увлечен тем огромным процессом в сознании людей, который вызван стахановским движением. Я ясно представляю себе, какой огромный скачок может совершить страна, в которой миллион людей одновременно думают над тем, как улучшить, как сделать более эффективным и производительным свой труд. Я заговорил о Марии Демченко. Я мог ждать отсутствия подлинного интереса к этому замечательному движению скорее со стороны АА, чем со стороны Пунина. Оказалось обратное: АА все знала и высказывалась о Марии Демченко с большим сочувствием; подчеркнув, что у нас так много еще пустых, незаполненных мест в использовании труда, что заполнение их принесет огромную пользу стране; я и здесь встретил со стороны АА высказывания самые одобрительные и положительные.

...Весь вечер АА была оживлена и спокойна. Я ушел от АА в глубоком раздумьи о том, как переделывается личность всякого честного человека под влиянием успехов социалистического развития...

ПОЭТ О ПОЭТАХ

Из дневника.
3.03.1925.

Я передал АА существующее мнение о том, что выбор названия «Анно Домини»* связан со смертью Гумилева и Блока. АА опровергает это мнение.

О последнем периоде жизни Блока: «Самое страшное было: единственное, что его волновало, это то, что его ничто не волнует»...

6.03.1925.

Дневник Блока (1-й том) вышел из печати совсем недавно, и весь уже распродан. Он был прочитан жадно, прочитан всеми. Невежество, вопиющая безграмотность Медведева, редактировавшего книгу, сильно ей повредили... Примечания составлены бездарно, неполно, неверно...

* «Анно Домини» — пятый сборник стихов Ахматовой.

Примеры можно множить бесконечно. Повторяю, рука Медведева сделала все, чтоб опоганить дневник.

А дневник интересен, дает много материала для понимания личности Ал. Блока да и литературной жизни того времени. Мнения о дневнике различны. АА, отдавая должное дневнику, считает все же, что дневником Блок «разоблачает» свои стихи, показывает нити, скрепляющие их с реальным, с земным, с будничным. Дневник дает возможность судить о непонятном простодушии Блока, считавшем, например, Клюева, этого бога фальши, своей совестью, всерьез принимавшего Граля Арельского, вряля всем хорошо известного, принимавшего у себя Г. Иванова...

Это высказывание Ахматовой любопытно тем, что говорит о ее отношении к «трансцендентной», потусторонней поэзии вообще и Блока, — в частности. Может быть, она считала, что поэзия не должна иметь никаких «земных» корней?.. Она — поэзия — навеивается неземными силами, и земные ее корни лишают ее «божественности». Так, только человек из древней «фамилии», только, как говорили в старину, «фамильный» человек может стать творцом, творить нечто великое. Генезис поэтического произведения, его истоки определяют, по мнению Ахматовой, степень его «духовности». И в этом случае понятие, что, когда в стихотворении видели его божественное происхождение, сказать о его земных истоках — значит сказать, что оно «не то». Это как бы само-разоблачение великого поэта, которого ему не могла простить «утонченно-духовная» Ахматова...

Из дневника.
20.11.1925.

...Заговорили об Николае Степановиче — об его взаимоотношениях с Блоком. Я спросил об основных причинах их вражды. АА сказала: «Блок не любил Николая Степановича, а как можно знать — почему? Была личная вражда, а что было в сердце Блока, знал только Блок и больше никто. Может быть, когда будут опубликованы дневники Блока, что-нибудь более определенное можно будет сказать». А по поводу отрывка из дневника Блока, напечатанного в «Красной газете», сказала, что там особенно сквозит резкий тон, очень резкий тон. И, конечно, Блок стилизует себя в нем, когда пишет о себе, что он был баричем с узкой талией. Ему на примере самого себя надо было показать, из чего возникла русская революция. Разве он был таким баричем? Тонкий, чуткий, всегда способный понять чужое настроение, чужое страдание, отзывчивый Блок — и вдруг образ такого барича, узкая талия которого «вызывает революцию».

АА заметила про стиль дневника, что он напоминает Льва Толстого, — «так и вспоминается какое-нибудь место из «Воскресения» — этот барич, например».

Я заговорил о стихах Блока, напечатанных во вчерашней «Красной газете».

«Конечно, Медведев очень плохо сделал, напечатав заведомо плохие стихи Блока. Этого не следовало делать. Но, может быть, Любови Дмитриевне нужны были деньги? Тогда я, конечно, не могу ничего возражать»...

В том же номере «Красной газеты» статья М. Горького о Блоке. Мнение АА об этой статье: «Освещение этого факта то или иное в зависимости от обстоятельств».

С Горьким АА виделась лично всего раз в жизни.

Рассказала мне: ...Однажды пришла к Горькому и просила его устроить ей какую-нибудь работу. Горький посоветовал ей обратиться в Смольный к Венгеровой, чтобы переводить на итальянский язык прокламации Коминтерна. «Я тогда, не зная достаточно итальянского языка, не могла бы, даже если б захотела, переводить эти прокламации». Дальше заговорила о тогдашних возможностях Горького, о степени его влияния и закончила: «Он был один, а к нему обращались сотни людей. Не мог же он всех устроить! Но, конечно, по отношению ко мне он поступил недостаточно обдуманно, сделав мне такое предложение...»

2.12.1925.

По поводу слов Жоры (Г. Иванова) о Блоке. «Можно подумать, что Блок с ним чуть ли не на короткой ноге был. Выходит также, что Блок «любит снимать квартиры в верхнем этаже», и еще много чего выходит по Жоре. Но Жора допускался к Блоку один раз в год. Так уж было заведено: раз в год он звонил Блоку и просил разрешения прийти. Блок разрешение давал, и Жора шел к нему. Надписи на книгах? — Это делаем все мы грешные: нас просят, и мы подписываем книгу. Блок очень долго жил на одной и той же квартире. Какая же тут может быть любовь к верхним этажам? Блок замкнутый, не любивший многолюдства у себя, всегда держал таких людей, как Жора, на большом расстоянии от себя. У него были друзья, которых он выбирал, руководствуясь своими особыми причинами, — Зоргенфрей, Иванов-Разумник... Попробуйте пойти к Сологубу, интимно говорить с ним!.. А с Сологубом это легче, чем с Блоком...»

20.06.1926.

О хвастовстве. «Вот чего не было у Блока... Ни в какой степени! С ним можно было год прожить на необитаемом острове и не знать, что это Блок. У него не было ни тени желания как-то проявить себя в разговоре.

Блок был очень избалован похвалами, и они ему смертельно надоели».

22.01.1926.

Вечером была у Замятиных, где Эфрос* рассказывал о третейском суде между имажинистами и Лавреневым за статью последнего о Есенине. (А я присутствовал при разговоре Эфроса, в присутствии Лавренева, об этом же на заседании Президиума Союза Писателей). АА зная, что Лавренев мой приятель, говорит очень сдержанно, что Лавренев поступил неосторожно, что он не настолько знает имажинистов — не был близок с ними, чтоб так безапелляционно заявлять. Говорит, что Есенин не таковский, чтоб его приятели загубили, что он сам плодил нечисть вокруг себя, что если б он не захотел, такой обстановки не было бы. Клюев же не поддался такой обстановке! Клюев отошел от них. И Клюев, который с большим правом мог бы написать статью подобную лавреневской, не написал однако. Видимо, и он того мнения, что сам Есенин виноват в том, что вокруг него была такая атмосфера.

И здесь — АА уже делает сравнение с Гумилевым — «Гумилев тоже плодил вокруг себя нечисть сам Г. Иванова, Оцуца и др. И конечно, — не божья же, Есенин, коровка, не овечка, чтобы можно было сказать, «Есенина загубили мерзкие приятели»... Есенин сам хотел и искал таких приятелей. Он мог бы искать и других, а он этого не сделал...»

26.01.1926.

«М. К. Грюнвальд спрашивала о причинах смерти Есенина. АА объяснила ее скопившимися и столпившимися в душе Есенина противоречиями, волей к гибели, вернее — силой к гибели. Там заговорили о «язве», разъедавшей Есенина... И Маргарита Константиновна спросила о Н. Тихонове, — что АА думает о нем, намекая на то, что у Тихонова тоже есть такое предрасположение и есть душевная такая язва. АА и Губер (который был у Грюнвальд) не дали распространяться дальше и вступились за Тихонова. АА сказала, что любит Тихонова, что он хороший, бодрый человек, и что решительно ничего общего с Есениным она

* Абрам Маркович Эфрос (1888—1954 гг.) — искусствовед, литературовед, переводчик.

в нем не находит. А тон у грюнвальдовских гостей был такой, как будто они хотели заявить, что пьянство и прочие язвы и мысли о самоубийстве — это вообще «патент, взятый поэтом!..»

10.06.1926.

Говорила о влиянии Анненского на творчество Пастернака. «То же дыхание. Может быть — тот же темперамент».

5.10.1927.

Говорила о раннем влиянии И. Северянина на творчество, на Пастернака. Приводила примеры.

13.11.1927.

В столовой АА читала мне отрывки из «1905» Пастернака (книгу ей принес Маршак на днях). Отмечали влияние Гумилева, Северянина, Блока, пролетарских поэтов...

14.11.1927.

Читала мне вслух отрывки из «1905» и «Лейтенанта Шмидта» Пастернака.

Прочла IV главу «Лейтенанта Шмидта», отметила ее как удачную. Сказала, что эта глава напоминает ей хоры античных трагедий в трактовке И. Анненского.

15.11.1927.

Говорили о Пастернаке. АА сказала, что у него очень развито чувство погоды и способность находить все оттенки для ее описания.

АА любит лирику Пастернака. Поэма «1905» — в целом неудачна, хоть есть отдельные хорошие места.

Пастернак слишком «через вещи» чувствует, слишком нервен, капризен и эмоционален. Это достоинство в лирике, но это же ослабляет эпическую вещь, какой должна быть «1905» и «Лейтенант Шмидт».

16.04.1926.

Сказала, что Клюев, Мандельштам, Кузмин — люди, о которых нельзя говорить дурное. Дурное надо забыть.

...Манера насмешничать друг над другом, рассказывать друг про друга анекдоты — это исходило из патетических чувств друг к другу, было только внешней оболочкой глубоко дружественных, очень любовных и близких взаимоотношений, и под этим было и большое уважение, и понимание ценности внутренних сущностей друг в друге. Такая насмешливость, любовь к остроте была только способом развлечения. У каждого были свои недостатки, все их знали, но их прощали всецело, потому что все они искупались другим обликом, более глубоким, второй стороной человека.

А когда Г. Иванов, который теперь пишет грязные статьи, не имея за собой ничего, не имея никакой другой стороны, кроме стороны недостатков — и очень грязных недостатков, стал входить в литературный мир, когда тщетно пытаюсь дотянуться до этого кружка, стал подражать его участникам и подражать неудачно — до пародии, это было противно, потому что он, показывая свои дурные стороны, не имел другого облика, который бы выкупал их. О том, что «Жора нечист на руку» — знали все. Что Жора всеми неблагоприятными способами стремится только к добычанию денег — знали тоже. Что он глуп и скверен, безграмотен и бездарен — знали тоже все. На это смотрели сквозь пальцы, потому что не в суд же было его тянуть, но близко к себе никто его не подпускал. Он злился и втайне ненавидел, чтобы при случае сделать гадость. Так и оказалось. И сейчас он обливает помоями больше всего тех, кому он больше всего обязан...

27.11.1925.

О Г. Иванове говорила — о том, как безобразно он составил и редактировал посмертное издание; настаивала на том, что Г. Иванов уделил этому сборнику минуты, и уже ни в каком случае не часы.

2.12.1925.

АА говорила о «Письмах о русской поэзии»*, о том, как они безобразно редактированы Г. Ивановым, показывала мне часть (всех — великое множество) искажений, неверностей, изуродованных цитат, неправильностей в списке фамилий и т. д. и т. п.

20.03.1925.

«Осип очень нежно к Вам относится. Очень. Он заговорил со мной о Вас — хотел нащупать почву, как я к Вам отношусь. Я расхвалива-

* «Письма о русской поэзии» — сборник статей Н. С. Гумилева.

ла Вашу работу... о Вас говорила, восхищаясь, говорила, что работа ведется исключительно...

Мандельштам хочет, чтоб Вы стали нашим общим биографом... Конечно, иногда Вам придется говорить и не только о Николае Степановиче — просто для освящения эпохи... Но не будьте нашим общим биографом!.. Конечно, попутно у Вас могут быть всякие статьи... Но это другое дело...»

3.03.1925.

Я спросил, как относится к стихотворению Мандельштама «Морожено». Ответила: «Терпеть не могу! У Осипа есть несколько таких невозможных стихотворений».

Не любит еще стихотворение о гальском петухе и гербах всех стран (из *Tristia*)*.

«Золотистого меду струя» — прекрасное стихотворение».

8.07.1926.

Говорила о статье Мандельштама — «Жак родился и умер» — «Прекрасная статья, — дышит благородством». АА говорит, что не может понять в Осипе одной характерной черты: статья по благородности превосходна, но в ней Мандельштам восстает прежде всего на самого же себя, на то, на что он сам делал и больше всех. То же с ним было, когда он восстал на себя же, защищая чистоту русского языка от всяких вторжений других слов, восстал на свою же теорию, идею об итальянских звуках и словах в русском языке (его стихотворение «Итальянские арфы»). «Трудно будет его биографу разобраться во всем этом, если он не будет знать этого его свойства — с чистейшим благородством восстать на то, чем он сам занимался, или что было его идей».

6.11.1927.

После ухода Мандельштамов АА говорила со мной и сделала характеристику их отношений. Мандельштам не любит АА. Не любит ее стихов. Об этом он говорит всегда и всюду и об этом он написал в статье в журнале «Искусство» (кажется, так, тот журнал, который он взял у Пунина). Но Мандельштам превосходно знает, что АА считает его прекрасным, одним из лучших, если не лучшим современным поэтом, и знает, что она всегда и везде, всем говорит об этом.

* «*Tristia*» — второй сборник стихов О. Мандельштама.

...Чтобы переписать эту статью из журнала для включения в сборник своих статей, который Мандельштам собирался издавать, было, конечно, не очень тактично брать ее именно у Пунина.

10.12.1927.

«В «Tristia» Мандельштама АА посвящено:

1. В стихотворении «Твое чудесное произношение» (2-я строфа, последняя строка «Я тоже на земле живу»). Фраза эта была сказана АА в разговоре с Мандельштамом, и он ее вставил в стихотворение.

2. Стихотворение «В тот вечер не гудел стрелчатый лес органа». АА была на концерте в консерватории вместе с Мандельштамом, слушала Шуберта.

3. В стихотворении «Что поют часы-кузнечик» 1-я строфа.

Это все говорил Мандельштам.

АА ставит резкую грань между одержимым «священным безумием» Мандельштама и Ходасевичем, желчность и болезненность которого повлияли и на его психику.

11.06.1927.

Замятин вообще никогда — не было такого случая — не замечает за АА никаких литературных заслуг. Он совершенно игнорирует ее как поэта. Ничего в этом нет удивительного: Замятин не знает поэтов, никогда их не читал, не знает Пушкина. Эта большая узость в нем есть... Замятин считает, что если АА «когда-то писала какие-то там стишки» — то разве это настоящее, писательское? Ведь она же не печатается в «Круге», в «Госиздате» и т. д. Разве можно принимать ее всерьез?

АА не помнит, чтобы у нее когда-нибудь был с Замятиным разговор на серьезную литературную тему. Замятин относится к АА поэтому с каким-то поразительным мужским и литературным высокомерием... Разговоры на серьезные литературные темы, иногда начатые АА, всегда прекращались сразу же, при этом у АА появлялось убеждение, что Замятин в затронутом вопросе не сведущ, а у Замятина, что тема скучна и неинтересна.

Несмотря на это, она Замятина любит за честность, прямоту и многие качества и очень близко дружит с его женой...

28.03.1925.

О Тютчеве, Анненском, Фете. АА очень любит И. Анненского.

Я: «Какую симпатию возбуждает каждое слово Анненского!» АА: «Немногим поэтам дано каждым словом возбуждать симпатии». Я: «Фет,

например, не возбуждает симпатии». АА: «Никакой, совершенно». Я: «Вот Тютчев возбуждает... И посмотрите-ка, это оправдано биографией». АА соглашается: «Тютчев больше Анненского, больше как поэт... — произносит это, но любит больше Анненского. — Но подумайте при всем этом, как Анненский исполнял все правила общежития. Все, как будто бы он для этого был создан... Когда (моего брата?) перевели из Севастопольской гимназии в Царское Село, у него должна была быть переэкзаменовка. Тогда папа поехал к Иннокентию Федоровичу — думал, что он поможет устроить так, чтобы не было переэкзаменовки, и Иннокентий Федорович через несколько дней отдал папе визит... Подумайте!»

6.11.1927.

1902 или 1903 г. Анненский читал в Университете доклад о К. Бальмонте. Доклад этот был крайне неудачен. Старые университетские профессора тогда еще не приняли модерниста Бальмонта. Анненский был разруган ими до последнего предела. Тем более, что доклад Анненского мог быть уязвим по своим формальным качествам.

АА помнит, как к ним, в Царское Село, пришел с этого доклада крайне возбужденный С. В. Штейн и рассказал о неудаче Анненского.

Рассказывая мне этот случай, АА добавила, что это одно из самых ранних ее «литературных впечатлений».

Потом сказала, что читала в «Фамире Кифаред» то место, где Анненский говорит: «И сладость неудачи». Она всегда почему-то сопоставляет этот случай с его докладом в университете.

12.01.1925.

По поводу дурных отзывов М. Лозинского о Л. Рейснер. АА: «Меня удивило, как Лозинский прошлый раз говорил о Рейснер...» Я: «А Вы знаете, какова она на самом деле?» АА: «Нет, я ничего не знаю. Знаю, что она писала стихи, совершенно безвкусные. Но она все-таки была настолько умна, что бросила писать их».

3.03.1925.

О стихах Ходасевича отзывается очень сдержанно. Когда я спросил в упор: «Любите?» Ответила принужденно: «Есть хорошие стихи, но все это какое-то деланное, неоправданное...»

9.07.1926.

Об Эйхенбауме*. АА «Лермонтова» считает лучшей его книжкой. «Он может мне ее принести без стыда». Эйхенбауму Тынников говорил, что АА заинтересовалась этой книжкой, и он мне сказал, что хочет принести ее АА.

Шли по Фонтанке. Говорила, что Пастернак по 3—4 года не пишет стихов, Мандельштам тоже, Асеев и т. д. и т. д.— тоже.

Есть какие-то «пределы». Если их перейти — то некоторые люди, наиболее чуткие, начинают задыхаться. И тогда им кажется страшным, что вообще можно писать стихи, кажется, что писать стихи невыносимо, и они не пишут, молчат, молчат по 3, по 5 лет... И когда потом неожиданно для них самих к ним приходит волнующая минута вдохновения, и они пишут стихи — они делают это с таким чувством, как будто в их поступке есть какая-то «греховность».

А разговор начался с того, что я сказал о том, что Н. Тихонов перестал писать стихи — вчера говорил мне — и хочет теперь писать прозу.

15.12.1927.

Получила письмо от Е. Данько из Царского Села. Пишет, что Голлербах хочет стать экскерманом** Сологуба...

...Из всех встреч с Сологубом вынесла впечатление, что Сологуб ненавидел Пушкина и Л. Толстого. Да и вообще почти ни о ком хорошо не отзывался. Никакой системы в его мнениях нельзя было заметить. Блока называл немцем... ...Анненский остался вовсе не замеченным Сологубом. Помнит только один настоящий разговор — о Лермонтове, из которого можно было заключить, что Сологуб любил Лермонтова. По-видимому, любил и Достоевского.

20.03.1928.

Я спросил, читала ли она книжку Вагинова? «Ответила, что не читала и спросила мое мнение о ней. Я сказал, что, по моему мнению, стихи несамостоятельны, есть чужие влияния — Мандельштама, В. Иванова, Ходасевича, — но культурны и мне нравятся. Сказала: «Теперь буду читать, когда Вы сказали...»

* Борис Михайлович Эйхенбаум (1886—1959 гг.) — литературовед.

** Иоганн Петр Эккерман (1792—1854), личный секретарь И. В. Гёте, автор известных мемуаров. «Разговоры с Гёте».

23.03.1928.

Когда я пришел в Мр. Дв., Шилейко сказал мне: «Попадет Вам от АА за легкомысленное суждение о Вагинове!» Перед моим приходом в Мр. Дв., сегодня, АА читала книжку Вагинова вслух — Шилейко слушал и очень зло, в прах раскритиковал ее, и АА к его мнению вполне присоединилась, потому что он приводил справедливые и совершенно неоспоримые доводы...

АА рассказала мне, что говорила (вчера? сегодня утром?) с Мандельштамом по телефону, и между прочим о книжке Вагинова (спросила его мнения, потому что сама она еще не прочла книжку) «Оська задыхается!» Сравнил стихи Вагинова с итальянской оперой, назвал Вагинова гипнотизером. Восхищался безмерно. Заявил, что напишет статью о Вагинове, в которой будут фигурировать и гипнотические способности Вагинова, и итальянская опера, и еще тысяча других хороших вещей. АА объясняет мне, что Оська всегда очаровывался — когда-то он так же очаровывался Липскеровым, потом были еще два каких-то «гениальных поэта», и что она нисколько не удивлена таким мнением Мандельштама о стихах Вагинова. Тем более понятно восхищение Мандельштама, что Вагинов — его ученик.

И АА сказала, что написанная Мандельштамом статья о Вагинове будет, вероятно, одной из его блестящих, но ни к чему не обязывающих «causeries».*

6.12.1925.

...Говорили о работе **...Разговор прерывался минутами молчания, когда мы смотрели на красные угли, когда по очереди мешали их, когда думали, думали. «В вазах было томление умирающих лилий...» «Это стихотворение об Анненском», — сказала АА и стала мне доказывать и доказала. Потом говорили о биографии Николая Степановича — о том, что мне надо учесть все масштабы. АА сказала, что, по ее мнению, для биографии Николая Степановича нужно самое большее 20 точных дат... «Как вы думаете?» И АА спросила меня, на какое место я поставил бы Гумилева в историко-литературном плане? Между какими величинами? Я ответил, подумав: «Баратынский значительнее его». АА наклонила голову и ответила утвердительно. Я продолжал: «Языков?.. меньше»... «А Дельвиг?» — спросила АА. Я не смог ответить на этот вопрос, и АА заговорила о применительном к Дельвигу масштабе биографии... «Сколько точных дат для биографии Дельвига нам нужно? Дат 10 — не

* Непринужденный разговор (*фр.*).

** Имеется в виду работа по биографии Н. С. Гумилева.

больше...» Я стал спорить, что больше и что больше надо и для Николая Степановича: надо дату свадьбы, дату рождения Лёвы... АА посмотрела на меня в упор и промолвила: «Я не знаю, когда Пушкин женился... И вы не знаете!..» И добавила, что не знает также и точной даты, когда у Пушкина родились дети...

Я спросил: «Ну, а какой масштаб вы предпочитаете, например, для Шенье?» «Шенье прекрасный поэт... больше Баратынского... гораздо!..» И когда АА высказалась о Шенье, я спросил о том, кого она ставит выше — Блока или Баратынского. АА ответила, что «напевная сила» у Блока больше, чем у Баратынского... «А вообще, ведь вы знаете — Блок самый высокий поэт нашего времени... Я спросил: «На какое же место Вы ставите Блока?» АА подумала и медленно проговорила: «За Тютчевым... а Николай Степанович — около Дельвига...»

КОЕ-ЧТО ОБ «АКУМИАНЕ»

Ахматова, видя страсть Павла Николаевича к собирательству литературных документов, понимала, что в его руках документы будут тщательно и надежно хранимы, потому она часто дарила ему что-нибудь из своего архива: книги, надписанные ей; письма поэтов и писателей к ней; письма родных, близких; письма знакомых и малознакомых людей; письма иностранных корреспондентов; письма поклонников и поклонниц; отдала много официальных писем-приглашений; писем, адресованных не ей, но касающихся ее или оказавшихся у нее. С легкостью отдавала стихи, посвященные ей, среди которых рукописная поэма Цветаевой «На Красном коне», с дарственной надписью Ахматовой. Кстати, в цветаевском сборнике Большой серии «Библиотеки Поэта» ошибочно сказано, что подлинник не сохранился. Подарила тетрадь с переводами ее стихотворений на немецкий язык (50 стихотворений, перевод В. Гельмерсона). На автографах со стихами М. Кузмина рукой Лукницкого помечено: «Подарено мне А. Ахматовой 21. VI. 1925. Мраморный дворец». На сборничке ахматовского «слова» на юбилее Ф. Сологуба пометка: «Подарено мне АА XII. 1927 утром в Мр. Дв. при разборке бумага»... Она дарила ему много фотографий со своими надписями и охотно давала ему возможность часто фотографировать ее...

Живет в старинной круглой коробке из-под пудры рашель «Коти» автоскульптура Ахматовой, выполненная специально в подарок Павлу Николаевичу в 1927 году. А еще — подаренный автопортрет, выполненный ею углем, он — рядом с портретом, сделанным Бушеном в 1914 году, и здесь же засушенные в рамке под стеклом цветы 1966-го, из тех, что принесли, провожая ее в последний путь...

Из дневника.
30.03.1926.

Вчера я отпечатал для АА фотографии — две снятые мною в Мр. Дв. (в 2 экз. каждый) и «сфинкса» (в 1 экз.). Отдал их ей. «Сфинкса» она передала для Пастернака, написав ее предварительно. Написывая, АА несколько раз стирала резинкой что-то, писала снова. О том, что хуже муки, чем процесс писания, для АА нет, я знаю давно, но каждый раз, когда она что-нибудь пишет, я с любопытством слежу за той мучительностью, с какой она это делает.

27.03.1925.

АА разбирала книги Блока с его надписью «А. А. Гумилевой» (1913 г.). Потом — «Сестра моя жизнь» Пастернака. Дарственная надпись АА заняла 2 страницы сверху донизу. Усмехнулась: «Вот, как люди надписывают!»

АА разбирала свой архив в комнате. Кое-какие бумаги показывала мне... Попался автограф Блока — четверостишие... АА сказала, что сама не знает, откуда оно у нее (оно не от Блока). «Может быть, от Артура Лурье? — он собирал автографы...»

Показывала старинное издание Сафо — подарок Б. В. Анрепа, с его надписью; показав мне надпись, сказала: «Вот из-за чего я берегу эту книжку...»

Показывала фотографии А. Лурье*, Недоброво...**

Я прошу АА подарить мне автограф. Говорит, что у нее нет почти рукописей. Я говорю, что пусть она мне подарит то, что я вытащу наугад из пачки бумаг ее архива. Соглашается. Вытаскиваю наугад стихотворение АА «В городе райского ключаря»...

В городе райского ключаря,
В городе мертвого царя
Майские зори красны и желты,
Церкви белы, высоки мосты.
И в темном саду между старых лип
Мачт корабельных слышится скрип.
А за окошком моим река —
Никто не знает, как глубока.
Я вольно выбрала дивный град,
Жаркое сердце зимних отряд,
И все мне казалось, что в раю
Я песню последнюю пою.

* Артур Сергеевич Лурье — (1893—1966 гг.) — композитор.

** Николай Владимирович Недоброво — (1882—1919 гг.) — литературовед.

(«Жаркое сердце» — первоначально было: «Тайное сердце». В последней строке слово «все» вставлено потом.)

Я: «У вас много ненапечатанных стихотворений последнего времени?» АА: «Есть...» Я спрашиваю о стихотворении АА, подаренном мне «В городе райского ключаря». АА отвечает, что это отрывок из поэмы, которую она писала в 1917 году. Поэма не была дописана до конца, существовало несколько отрывков, и подаренный мне — один из них.

Николай Степанович очень хотел, чтобы АА дописала до конца эту поэму, часто повторял ей это.

АА говорит, что когда Николай Степанович жил один (в 1918 г.), у него был однажды вечер, когда к нему пришли и пили чай Лозинский, Срезневские и она, АА: «Николай Степанович просил... (много перед этим просил), а тут говорит: «Вот мы поедem в Бежецк, я ее там застаю! Живая или мертвая, но она напишет эту поэму». Лозинский сказал: «...Ездок доскакал, в руках его мертвый младенец лежал!..» Потом Лозинский все время спрашивал: «А где Шилей?», а потом продекламировал: «Зачем король не средь гостей, зачем изменник не на плахе». Это из «Полтавы» — вы помните? Это было очень удачно сказано». (Имело особый отпечаток смысла при том положении, какое тогда было.)

АА надписывает и дарит мне и «Четки», 1-е издание. На книге «Четки», «Гиперборей», 1914, С.-Петербург, написано:

«Владимиру Александровичу Пясту, Анна Ахматова.

Отлетала от меня удача,
Поглядела взглядом ястребиным
На лицо, померкшее от плача,
И на рану, ставшую рубином
На груди моей.

Петербург. Весна. 1914 г.»

«Я купила эту книгу осенью 1922 года в книжной лавке на Литейном. Ахм.»

Затем: «Павлу Николаевичу Лукницкому перед моим отъездом в Царское Село в марте 1925 г. Ахматова. 27. III. Mr. Дв.»

Даты, поставленные в книжках Ахматовой, не всегда верны. По поводу подаренного Лукницкому стихотворения она сказала: «Есть точная дата этого стихотворения... Павел Николаевич удивился. Тогда она пояснила: «Ведь у меня нет рукописей...» Она дарила их, теряла, выбрасывала. Рассказывала, что Шилейко ставил однажды самовар рукописью

«Подорожника» — «со злости, конечно». Многие стихи диктовала прямо приходившим из редакций, журналов...

В день именин подарила Павлу Николаевичу свой автограф — два стихотворения.

I

Н. В. Н.

И в Киевском храме Премудрости Бога,
Припав к... я тебе поклялась,
Что будет моею твоя дорога,
Где бы она ни вилась.

То слышали ангелы золотые
И в белом гробу Ярослав,
Как голуби, вьются слова простые
И нынче у солнечных глав.

II

Справа Днепр, а слева клены,
Высь небес тепла.
В день прохладный и зеленый
Я сюда пришла

Без котомки, без ребенка,
Даже без клюки,
Был со мной лишь голос звонкий
Ласковой тоски.

Не спеша летали пчелки
По большим цветам,
И дивились богомолки
Синим куполам.

Из дневника.
8.12.1927.

В 12 пришел к АА (перед этим она мне звонила), чтоб идти в Мр. Дв. Взяли корзинку и пошли пешком мимо Инженерного замка... Мягкая зимняя погода, но серо. Разобрав книги и бумаги, с нагруженной корзинкой пришли домой. Проводив АА, я ушел в Дом Печати... В 9 вечера пришел, принес полного английского Шекспира в подарок — сегодня

ня трехлетие со дня нашего знакомства, принес груш, маслин — она их любит. Пробыл у нее до 12. Дома никого не было. Пунин играет у брата в шахматы, а Пунина на ночном дежурстве.

...Сначала АА, сидя на полу, разбирала свой архив и безжалостно вырезала из писем марки. На полу было холодно, и АА перебралась на диван. Показывала мне разные бумаги и письма, некоторые подарила мне... в честь трехлетия нашего знакомства.

8.12.1929.

4-го был с АА у Шилейко. Он бледен, обильно кашляет кровью — ему недолго осталось жить. Квартира его умирает также — его выселяют, ибо дом перешел в другое ведомство. Но Шилейко уезжает в Москву. Он поручает АА вывезти его вещи и книги вместе с ее вещами и книгами в Шереметьевский дом. Коридор Мраморного дворца грязен, забросан мусором...

На следующий день, пятого, с утра я с АА возились в пыли до трех часов, разбирая книги и вещи. АА устала смертельно, но дело сделали: отдельными кучами на полу лежат книги Шилейко, АА, мои, ненужные, архивы Судейкиной, А. Лурье... Тряпки, ошметки, окурки, пепел, пыль, пустые папиросные коробки, обрывки бумаги, рвань, моль, бутылки, склянки, таблетки вавилонской клинописи из собрания Н. П. Лихачева...

В субботу 7-го Шилейко уехал в Москву. АА провожала его с убеждением, что прощается с ним навсегда.

А вчера, в воскресенье, с утра, я вместе с АА отправился в Мраморный дворец закончить «похороны» квартиры. Разобрали последние вещи. В 12 явились упаковщики (за упаковку и перевозку взяли 75 рублей, а увезли все на одной подводе).

Сломанные, ветхие — красного дерева — бюро, кровать, два кресла, трюмо, столик, буфетик со стеклом...

Когда до революции АА поселилась в Петрограде, одними из первых, у кого она стала бывать, были Судейкины. Вот эта их мебель стояла тогда там, АА глядела на нее и не думала, что через много лет она будет вывозить эти вещи из квартиры Судейкиных. А вот еще через пять лет вывожу их я. И пять лет назад разве мог я думать, что будет так? Книги — в ящики, мебель — так. Составляли сначала все это на улице, я стерег, и слова прохожих: «Тоже имущество называется!» — презрительно граждан. «Вещи-то старые, бедные... Куда их везут — про-давать что ли?» — соболезнующим тоном женщина.

Вывезли все, кроме того, что принадлежит дому (даже тарелку, принадлежащую дому, АА не захотела взять).

Мокрый, пасмурный день. Теплый воздух... «Как зима в Париже, совсем так бывает зимою в Париже», — сказала АА, когда утром мы шли через Марсово Поле. Зеленая трава, о снеге город еще не мечтает.

А еще, когда шли утром, после моих слов о том, что 8 декабря 1924 года, в день моего знакомства с АА, я впервые вошел в Мраморный дворец, а сегодня, 8 декабря 1929 года, через пять лет, я войду туда в последний раз, — АА сказала: «Это страшно»... «Сейчас я в кругу каких-то мистических цифр...» и объяснила: в 1921 году погибли ее брат и бывший муж, и это страшно и странно.

Вообще АА в состоянии духовного упадка.

Судьба выдумывает странные юбилеи...

Из письма Лукницкого — Ахматовой.
1962 год.

«Я живо представляю себе Вашу поэму* таким аметистово-фиолетовым, кристально прозрачным, полным музыкально чистого звучания кубом, сквозь который весь хорошо знакомый мир видится правдивым, истинным, строго реалистическим, но преображенным силой вольного духа...

Я рад неделе общения с Вами, после стольких лет разноречивой жизни. Мне как-то отвычно было уже погружаться в эпоху поэзии начала века (изученную мною благодаря Вам), а потом в эпоху двадцатых годов (пережитых мною в частном и тесном духовном общении с Вами, облагородившим меня, определившим для меня многие принципы на всю последовавшую мою жизнь).

Отвычно: лесные чащи Акумы и Серого Оленя, и даже Лагуны Акумбалы (в моей, неопытной рукой сделанной, поэме 1928 года), — утонули в глубинах «общей» истории. Я оказался занят всем на свете другим. Казалось, где-то — бесконечно далеко — и Вы (та, прежняя), — за водораздельным хребтом разных мироощущения и миропонимания.

Причина тому понятна: с 1930 года, с Памира, с путешествий моих, с захватившей меня всецело, но по-новому крылатой для меня жизни, началось формирование моего нового мировоззрения.

Между мною и Вами появилась тектоническая трещина внутренне-го, никогда мною не высказанного вслух, несогласия в отношении Вашем и в отношении моем к окружающей нас «современности».

Мне показалось, что Вы не поймете того, что, по мере общения с тысячами различнейших людей, в различных социальных слоях населения (чего были лишены Вы) открывалось все шире мне, не переступи-

* Имеется в виду «Поэма без героя».

те через трагизм и боль нанесенных Вам этим новым миром обид и не преодолете давящую боль, скорбь.

Но оказалось все иначе... Сила Ваша оказалась поистине удивительной. Вы нашли в себе мужество, волю и разум подчинить личное обществу, Вы поняли в новом главное: в порой диком и страшном облике — животворный, способный к высочайшему взлету — дух.

Огромное благородство, подвиг самоотверженности понадобились от Вас для этого и еще больший подвиг, для того, чтобы, поняв это главное, перейти в иную эпоху, встретившую Вас ураганным, противным ветром, — перейти, не потеряв себя, не изменив ни себе, ни единому принципу Человечности, ни родной России, той, которая во все времена и эпохи прошлого, настоящего и будущего, — едина величием своего народа.

Не с покаянной (как многие лицемерно каявшиеся), а с гордо поднятой (потому что и не в чем Вам было каяться, — каяться надо было перед Вами), головой, свободная из свободных, смело и уверенно, — как мусульманский праведник, по волоску пророка идущий над бездной в рай, — вошли Вы в эпоху новую... Вошли победительницей. Позади вас остался висячий, качающийся под ногами, но прочный мост через мироздание — мост на пути из забвения в грядущее...

И потому — стихи Отечественной войны. Потому — признательность к Вам тех, кто сражался и умирал за Родину, побеждая врага. Потому — злобные вопли тех, кто был источен бациллой приспособленчества, предательского равнодушия, обывательского эгослужения и кое-чего еще.

Я думаю, именно тогда Вы проникли в понимание всего — и ужасного, и величественного.

Вот из нелюбимого, гордого, мудрого проникновения в суть ужасного и величественного, характеризующего нашу поразительную и многообещающую эпоху, и родилась, как я полагаю, «Поэма без героя», и Вы, наверняка, хорошо знаете, что Герой в этой поэме все-таки есть, этот герой — **Россия**.

Вера ЛУКНИЦКАЯ
ИЗ ДВУХ ТЫСЯЧ ВСТРЕЧ

Редактор А. В. Караулов
Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 21.01.87. Подписано к печати 16.03.87. А 00344. Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 3,71. Усл. кр.-отг. 2,98. Тираж 80000. Изд. № 925. Зак. № 76. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВЛАДЕЛЬЦАМ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

● Госстрах проводит добровольное страхование средств транспорта и возмещает ущерб их владельцам в случае повреждения или гибели средств транспорта в результате аварий, различных стихийных бедствий, а также при их похищении или угоне.

● Находящиеся в личной собственности граждан автомашины, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, моторные, парусные, гребные лодки, катера и другие суда можно застраховать на один год или на срок от 2 до 11 месяцев.

● Плата за страхование устанавливается в зависимости от вида транспорта, размера страховой суммы и срока страхования и вносится при заключении договора. Если годовой платеж превышает 30 рублей, то уплатить его можно за два раза: половину суммы — при заключении договора, а оставшуюся сумму — в течение 4-х месяцев после вступления договора в силу.

● Внести платеж можно наличными деньгами или путем безналичного расчета.

● Лицам, страховавшим средства транспорта в течение двух и более лет без перерыва и не допустившим за это время по своей вине аварий, Госстрах предоставляет скидку в размере 10%, а в течение трех и более лет — 15%.

Уважаемые товарищи!

● **Подробно ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно у страхового агента или в инспекции Госстраха.**

ГОССТРАХ РСФСР